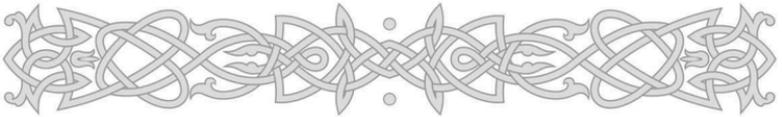
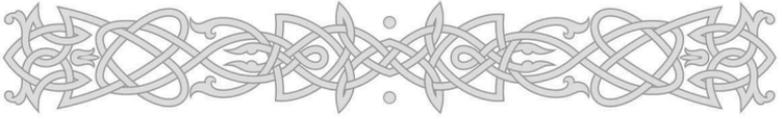
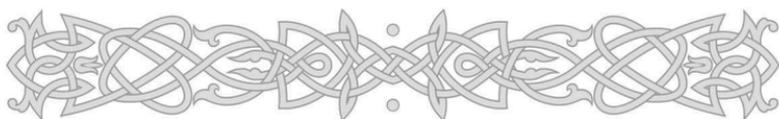

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

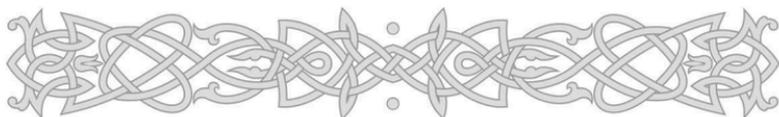
ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН

ЗАВОЕВАНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ

МОСКВА
2022

ЯУА

УДК 94(4)~1204~
ББК 63.3(0)4
В45

Виллардуэн, Жоффруа, де.

В45 Завоевание Константинополя / Жоффруа де Виллардуэн ; [перевод с французского М. А. Заборова]. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 480 с. — (Эпоха Средневековья).

ISBN 978-5-04-163377-6

Уникальная книга, рассказывающая о Четвертом крестовом походе от участника похода известного французского рыцаря Жоффруа де Виллардуэна. Кто бы мог подумать, что по дороге к Иерусалиму в ходе этого похода крестоносцы захватят Константинополь!

В своем труде де Виллардуэн рассказывает о различных событиях Четвертого крестового похода и о взятии Константинополя европейскими рыцарями. Как очевидец, автор детально описывает штурм города и последовавшие за ним события.

УДК 94(4)~1204~
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-04-163377-6

© Заборов М.А., наследники, перевод,
комментарии, статьи, 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ХРОНИКА ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Созданный около 1210 г. труд Жоффруа де Виллардуэна «Завоевание Константинополя» наряду с одноименным произведением пикардийского рыцаря Робера де Клари* – первоклассный источник фактических сведений о скандально знаменитом в средневековой истории Четвертом Крестовом походе 1198–1204 гг. Как известно, поход этот закончился разбойничьим захватом рыцарями-крестоносцами столицы христианской Византии в 1203–1204 гг., после чего произошли бурные потрясения на Балканах и в Малой Азии, ознаменовавшие образование государств западных завоевателей на византийской территории – Латинской империи и подвассальных ей княжеств. Пожалуй, никто из хронистов-современников, будь то французы или англичане, венецианцы или генуэзцы, немцы или фламандцы, греки или русские, словом, никто из историков и мемуаристов, которые так или иначе писали о событиях, приведших к гибели Греческого царства, не сохранил столь обильного и полноценного с точки зрения его детализированности и обстоятельности фактического материала относительно реально происходивших перипетий грандиозной по тем временам «международ-

* См.: *Робер де Клари. Завоевание Константинополя*/пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1985.

ной» рыцарской авантюры и ее ближайших последствий для стран Балканского полуострова, как Жоффрау де Виллардуэн.

Вместе с тем хроника-мемуары «маршала Шампани и Романии» — замечательный памятник французской исторической мысли. То был период роста и укрепления феодального строя на Западе, отмеченный постепенным преодолением политической раздробленности и первыми, подчас еще непрочными и нелегко пробивавшими себе дорогу успехами королевской власти. Успехи эти опирались на поддержку объединительных усилий центра основным слоем поднимавшегося феодального класса — мелким и средним рыцарством, а также населением возвышавшихся городов. Тогда-то, на рубеже XII—XIII вв., и во Франции, являвшейся типичной страной феодализма, явственно обозначился перелом в социально-политической структуре общества: оно вступило в фазу формирования феодальной государственности нового образца — в фазу постепенного территориального сплочения и политической консолидации. Указанный процесс принял четкие очертания при Филиппе II Августе (1180—1223), на чье правление приходится и Четвертый Крестовый поход — предприятие по составу своих участников и руководителей преимущественно французское (хотя и не только французское) и по-своему запечатлевшее противоречивые тенденции, характерные для жизни страны на рассматриваемой ступени ее развития.

В отличие от времени Третьего Крестового похода (1189—1192 гг.), возглавлявшегося тремя западными государями, сам Филипп II Август стоял теперь в стороне от очередной крестоносной затеи папства в лице Иннокентия III (1198—1216), попытавшегося вновь двинуть рыцарскую рать Европы на освобождение Гроба Господня в Иерусалиме: всецело поглощенный внутренними делами, король Франции не принимал непосредственного участия в Четвертом Крестовом походе. Эти дела оказались связанными с острыми столкновениями феодальных сил в Западной Европе, прежде всего с борьбой Капетингской короны против английских государей из династии Плантагенетов (Ричарда I Львиное Сердце — до 1199 г., а после

его смерти – Иоанна Безземельного) – главных соперников молодого короля, удерживавших немало земельных владений во Франции. С Плантагенетами смыкалась и часть крупных сеньоров страны (граф Фландрский и др.), стремившихся помешать ее консолидации над властью Филиппа II. Союзниками Плантагенетов на континенте была, кроме того, внушительная группировка северогерманских князей – так называемая партия Вельфов во главе с королем Оттоном IV, племянником (по материнской линии) Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Названные конфликты (а они втянули в свою орбиту немало непокорных французскому королю крупных вассалов – впоследствии все эти сеньоры отправятся в Крестовый поход!) осложнились дипломатическим вмешательством – в пользу англо-вельфской коалиции – «апостольского престола», универсалистско-теократической политике которого противоречил объединительно-централизаторский курс Филиппа II Августа. Его отношения с Иннокентием III в конце XII – начале XIII в. были поэтому в основном натянутыми, хотя периоды напряженности сменялись порой периодами ее ослабления. А поскольку провозглашенный папой Четвертый Крестовый поход изначально был задуман и развертывался в фарватере этой универсалистско-теократической политики, являясь ее составной частью, постольку и это обстоятельство также побуждало королевскую власть во Франции воздерживаться по крайней мере от прямого участия в папском предприятии. Правда, Филипп II связывал с ним собственные миродержавные планы, но они оставались скрытыми почти от всех сеньоров, которые вступили в 1199–1202 гг. на «стезю Господню».

В такой ситуации должна была особенно рельефно обнаружиться и действительно обнаружилась подлинная социально-классовая суть новой крестоносной экспедиции как акта феодальной экспансии. Не случайно во Франции ее вдохновляли и направляли не в последнюю очередь явные и тайные противники короны (из числа крупных вассалов короля, не так давно выступавших на стороне англо-вельфской партии). Эта экспансия призвана была содействовать упрочению их собственного могущества – успех сулил приобретение новых земель

и богатств. Крестовому походу споспешествовали отчасти и те феодальные элементы, которые вынуждены были склоняться к поддержке крепнувшей королевской власти и на практике даже способствовать претворению в жизнь тщательно завуалированных, но тем не менее далеко шедших политических замыслов Филиппа II Августа. К числу таких «тайных агентов» короны, быть может, невольно относился и Жоффруа де Виллардуэн, который, по крайней мере в начальной стадии Крестового похода, приложил определенные старания к тому, чтобы поставить во главе крестоносцев противника англо-вельфской коалиции – маркиза Бонифация Монферратского, родственника Филиппа II Августа и его союзника в Германии (Филиппа Гогенштауфена)*.

Все эти противоречивые тенденции реальной действительности, своеобразно преломлявшиеся в мире идей и представлений, в умонастроениях феодальной среды, в политическом мышлении сеньориальных кругов, наложили несомненный отпечаток и на записки Жоффруа де Виллардуэна, на концептуальные установки их автора.

Достоинства его хроники как исторического труда определяются главным образом четкостью и значительной точностью в передаче событий Четвертого Крестового похода, фактографической добротностью, логической и пусть в меньшей степени, но все же хронологической упорядоченностью повествования. В этом плане мемуары маршала Шампанского сильно разнятся от воспоминаний Робера де Клари, зачастую смешивающего быль с небелью, громоздящего домыслы, увлекающегося третьестепенными деталями, хотя иной раз и важными для воссоздания колорита всей картины Крестового похода, но, в принципе, не всегда столь уж существенными и т. д. Жоффруа де Виллардуэну вовсе чужды фантазии пылкого пикардийца, да ему и не требовалось подменять реальные события вымышленными, искусственно придавать занимательность рассказу, включая в него – для казуальной связности – «интригующие»

* См. подробно: *Заборов М. А.* К вопросу о предыстории Четвертого Крестового похода // *Византийский временник*. М., 1953. Т. VI.

эпизоды давней истории государств крестоносцев и Византии, почерпнутые в расхожей молве, и т. д. Маршал Шампанский, не в пример Роберу де Клари, совершенно не нуждался в том, чтобы компенсировать недостаток или отсутствие конкретных данных игрой воображения, ибо, находясь в центре важнейших событий, политики и дипломатии крестоносцев, он был превосходно осведомлен не только о том, что происходило «на поверхности», но и о потаенных пружинах, обуславливавших крутые повороты в судьбах Крестового похода, неотвратимо толкавших его в сторону Константинополя. Судя по всему, Жоффруа де Виллардуэн имел в своем распоряжении, помимо того, что задержалось в его памяти или было зафиксировано в дававшихся им путевых заметках, и какие-то документы и официальные акты: во всяком случае, страницы, где он излагает, например, содержание некоторых договорных грамот (франко-венецианская сделка о фрахте флота в 1201 г., договор крестоносцев с византийским царевичем Алексеем в 1203 г., мартовский договор 1204 г. между французами и венецианцами о разделе империи), вполне адекватно раскрывают подлинное содержание этих грамот, а местами даже воспроизводят их текст. Точно так же тон и стиль посольских речей, приводимых хронистом и выдержанных в манере, несколько отличной от остального повествования, где автор говорит от своего лица, позволяют думать, что он располагал копиями писем, нередко дублировавших выступления послов. Поразительно верны и детально документально подтверждаемые хронологические выкладки мемуариста, обычно скрупулезнейшим образом следующего за событиями и лишь иногда группирующего эпизоды, которые относятся к одному и тому же событийному ряду (кое-где упоминаются факты, скажем, имевшие место в более позднее время, хронологически выпадающие из рассматриваемого сюжета, но в конечном итоге касающиеся этого же тематического ряда)*. В указанном смысле записки Жоффруа де

* Так, хронист сообщает о смерти Алексея IV тотчас после упоминания о его отравлении Морчүфлем (Алексей V) (§ 223), хотя между этими событиями происходили другие, о которых речь пойдет, однако,

Виллардуэна также не идут ни в какое сравнение с мемуарами Робера де Клари, хронологический остов которых нередко приближителен и очень неполон.

Тем не менее, несмотря на фактологические достоинства, еще с XVI–XVII вв. превратившие записки Жоффруа де Виллардуэна едва ли не в основной источник знаний о Четвертом Крестовом походе, все же его хроника, подобно мемуарам Робера де Клари, интересна не столько в чисто «фактурном» отношении, сколько в первую очередь в концептуальном аспекте. Ее ценность в огромной степени обуславливается своеобразным авторским видением и, что особенно важно в интересующей нас связи, авторским освещением событий, активным и значимым участником которых Жоффруа де Виллардуэн являлся, его суждениями об этих событиях, преподносимыми им, в отличие от Робера де Клари, со всей определенностью и категоричностью — в форме собственных, притом весьма красноречиво сформулированных, умозаключений. Как и мемуары Робера де Клари, «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна — исторический труд, написанный светским человеком, но не мелким рыцарем, а феодальным сеньором средней руки, достигшим положения высокопоставленного сановника графов Шампани, а после создания Латинской империи — и носителя высокого титула маршала Романии. Иными словами, по своему социальному облику автор — и это в известном смысле сближает его с пикардийским хронистом — составляет исключение в ряду других латинских писателей, рассказывавших о Четвертом Крестовом походе со слов очевидцев. Большинство то были представители образованного «сословия» — духовенства. Жоффруа де Виллардуэн, как и Робер де Клари, повторяем, — мирянин. При этом, однако, его «Завоевание Константинополя» по своей концептуальной схеме и «программе», в особенности же

лишь далее. Другой пример группировки фактов: Жоффруа де Виллардуэн рассказывает в одном и том же месте, как Алексей III, попавший в плен к латинянам, был отправлен на Запад Бонифацием Монферратским (§ 309), хотя в действительности между пленением и отправкой экс-императора в Италию случились различные «промежуточные» события, повествование о которых пойдет позднее (§ 331–332) и т. п.

по своей политической направленности в целом, противостоит мемуарам Робера де Клари. Тот был простым рыцарем и в своем повествовании отразил чаяния и настроения массы рядовых крестоносцев. Напротив, Жоффруа де Виллардуэн входил в элиту крестоносного воинства, в число выдающихся по своему положению *actores regum* крестоносного предприятия, «задействованным» во всех или почти во всех сколько-нибудь важных дипломатических и боевых акциях «воинства Божьего». Версия событий, выдвинутая в его произведении, продиктована была, как увидим, достаточно ясно осознававшимся самим автором и не угаивавшим своих намерений и от читателя стремлением изобразить в максимально благоприятном свете деяния предводителей этого воинства, включая их наиболее неблагоприятные поступки.

Можно сказать, что хроника маршала Шампанского – один из ранних примеров политической тенденциозности, искусно проводимой в чисто событийном, казалось бы, повествовании средневекового автора. И в целом, и в деталях все оно последовательно подчинено главной цели – всемерного оправдания перед лицом истории тех далеко не достославных «подвигов», которые совершили в христианских землях и против их христианских же жителей несостоявшиеся «освободители Гроба Господня». Он воссоздал историю завоевательного предприятия, руководимого феодальной знатью и венецианской купеческой олигархией, под углом зрения людей своего круга, представителей владетельных и служилых сеньоров, связанных с феодальными верхами, менее всего озабоченных необходимостью решения официально прокламировавшихся религиозных задач, но побуждаемых в первую голову вполне «реалистичными», корыстными мотивами политического, в частности престижного, свойства (а также, если говорить о венецианцах, надеждами на экономические выгоды, которые сулила заморская экспедиция в случае ее успеха).

Неудивительно, что и по стилю преподнесения, равно как и самого отбора фактов, Жоффруа де Виллардуэн существенно расходится с Робером де Клари. Историк-сеньору, к тому же вступившему в шестой десяток своей жизни и достаточно

умудренному опыту политической деятельности, не к лицу были (да это и не согласовывалось бы с принципиальными «целевыми» установками его повествования) восторженность и непосредственность излияния чувств при передаче материала — черты, столь характерные для впечатлительного пикардийского рыцаря, впервые вырвавшегося из своего захолустья в «большой мир» и высказывавшего безмерную любознательность ко всему, что там ему повстречалось. Жоффруа де Виллардуэн сдержан в повествовании, хотя временами и впадает в выспренно-сентиментальную риторику. Его не интересуют житейские, бытовые подробности событий, о которых он рассказывает. Маршал Шампанский почти везде остается в рамках прозаически-делового изложения всего того, прямым участником, очевидцем чего ему пришлось быть или о чем он узнавал от других свидетелей Крестового похода. Он отбрасывает прочь эпизоды, представляющиеся в его глазах незначительными, пренебрегает живописными деталями, с упоением неопита воспроизводимыми Робером де Клари.

Одни и те же сюжеты оба мемуариста раскрывают в совершенно различной манере — это происходит не только потому, что информация, которой располагал каждый из них, была разной по объему и «качеству»: маршал Шампанский хорошо знал, о чем судил-рядил тот или другой совет сеньоров-предводителей (ведь сам он присутствовал «на всех советах» — § 120), и был не слишком осведомлен о том, как трактовали их решения рядовые крестоносцы, тогда как у Робера де Клари все обстояло наоборот. Различия объясняются главным образом другим: социально «запрограммированная» направленность видения обоими авторами событий, совершавшихся у них на глазах, культурный и политический кругозор хронистов и, что наиболее важно, целеположенность подхода к материалу были у них весьма неодинаковыми. Один был рупором «общественного мнения» *meue peuple*, другой, маршал Шампанский, выражал устремления, взгляды и чаяния *les haut homes*. Герои одного — воины-авантюристы из рыцарских низов, герои другого — маркиз Бонифаций Монферратский, дож Энрико Дандоло, графы и герцоги, доблести и заслуги которых он — там, где они

представляются ему достойными, — воспевает и увековечивает. Разный подход, разное понимание событий — отсюда расхождения в их интерпретации при наличии и общих элементов ее, заключающихся в конечном счете в апологетизированном, панегирическом освещении постыдных даже с официально-католической точки зрения рыцарских «деяний».

Жоффруа де Виллардуэн — историк преимущественно, если не исключительно, рационалистично-политического склада мышления, и в этом его коренное отличие от склонного давать волю фантазии и восхищаться «чудесами», простецки наивного Робера де Клари. О чем бы ни заходила речь у того и другого, как воплощение средневекового историзма, оба предстают перед нами в достаточно разном обличье. Огромный флот крестоносцев? Робер де Клари с неподдельным воодушевлением говорит о знаменах и флажках рыцарей, развевавшихся на башнях нефов при отплытии эскадры к Задару, его приводят в восторг мощные звуки сотни пар серебряных и медных труб, сопровождавшие выступление кораблей из Венеции (гл. XIII)... Жоффруа де Виллардуэн если и выказывает восхищение зрелищем отплытия большого флота, украшенного флажками, то оно занимает его разве что в плане оценки перспектив грядущей победы крестоносцев, predeterminedной могуществом этой великолепной эскадры, на которой одних боевых метательных орудий и таранов имелось свыше трехсот (§ 76). Подготовка крестоносцев к боевым встречам, маневры по сближению с противником? Робер де Клари, находившийся в гуще воинов, подробно распространяется о том, как располагались различные отряды, в какой последовательности наступали конница и пехота, к каким необычным приемам «устрашения» врага прибегали крестоносцы, мобилизуя и вооружая кухонной утварью воинскую прислугу и пр. (гл. XLV, XLVII). Жоффруа де Виллардуэн напрочь опускает все подобного рода детали, тем паче явные вымыслы, довольствуясь лишь перечислением предводителей их или иных отрядов или сведениями о решающих эпизодах битвы, от которых зависел ее исход (§ 148–153, 161, 167 и др.). Город Константинополь? Робер де Клари ослеплен его «чудесами» и без устали выражает свое

восхищение громадностью и великолепием императорских дворцов (гл. LXXXII), редкостными реликвиями, во множестве найденными в церквах (гл. LXXXII–LXXXIII), богатствами храма Св. Софии (гл. LXXXV), роскошью и прихотливостью архитектуры византийской столицы (статуи над воротами и проч. – гл. LXXXIII–LXXXIX), ее ипподромом (гл. XC) и т. д. Жоффруа де Виллардуэн довольствуется несколькими беглыми штрихами, чтобы отметить богатства Константинополя и подчеркнуть его могущество (§ 128); точно так же ему представляется достаточным лишь в немногих словах охарактеризовать колоссальную добычу, размеры и ценность которой сами по себе говорят о масштабах завоевания и о том, что такая добыча не могла не подвергнуться испытанию «бескорыстие» крестоносцев (§ 249–254). Коронация Бодуэна? Робер де Клари описывает ее пышный ритуал во всех экзотичных подробностях – от облачения в императорские одежды до торжественной трапезы во дворце Вуколеон (гл. XCVI–XCVII). Жоффруа де Виллардуэна привлекает одна только политическая сторона избрания первого латинского императора, исключительно ей он и уделяет внимание (§ 256–258).

Перед нами отчетливо вырисовывается система восприятия и преподнесения исторических событий историком-политиком, более того, вырисовывается в целом менталитет крупного феодала из среды тех, кто по призыву Иннокентия III ринулся на Восток завоевывать себе под знаменем религии поместья и сокровища и кто, в конце концов, захватил и разграбил византийскую столицу.

Познакомимся же теперь ближе с личностью и творчеством хрониста, чтобы затем подробнее рассмотреть идейное содержание и политические тенденции его труда; это в свою очередь позволит выяснить и его собственно историческую ценность, и его специфику как произведения светского французского историка, отражавшего настроения и взгляды представителей высших кругов феодального общества, которые сыграли определяющую роль в судьбах участников Четвертого Крестового похода.

ДУХОВНЫЙ МИР И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ ХРОНИСТА

ИСТОРИК И РЫЦАРСКИЙ ЭПОС

Если мы более или менее обстоятельно осведомлены хотя бы о важнейших вехах биографии Жоффруа де Виллардуэна, точнее, о ее событийной канве, то этого нельзя сказать в такой же мере относительно внутреннего мира хрониста, общекультурного кругозора и духовного облика его личности в целом. Все материалы, которыми располагает историк, приходится черпать исключительно в самом «Завоевании Константинополя». Точно так же лишь на основе произведения «маршала Романии и Шампани» можно составить по крайней мере приблизительное представление о современных ему литературных образцах, влияние которых, пусть опосредованное, он, будучи сравнительно образованным человеком (в отличие от полуграмотного Робера де Клари), все же, вероятно, испытывал, когда «вручал пергаменту» собственную версию только что прошедших на всю Европу событий, диктуя свой рассказ писцу, заносившему на скрижали истории его устное повествование. Правда, мы не в состоянии с полной достоверностью судить о литературном контексте труда Жоффруа де Виллардуэна. На этот счет строились и строятся только гипотезы, высказывались и высказываются только более или менее обоснованные догадки, подкрепляемые данными, которые удается извлечь опять-таки из хроники.

Опираясь именно на них, кое-кто из новейших западных медиевистов, в частности американская исследовательница Джаннет Бир и английский ученый Колин Моррис, изображали Жоффруа де Виллардуэна «эпическим историком», списывая на «эпичность» многочисленные погрешности его произведения против фактов. Основу такой концепции составляет прежде всего стилистический анализ записок маршала Шампанского. Действительно, в манере преподнесения описываемых им событий нетрудно подметить черты, свидетельствующие о прямом и косвенном воздействии, которое оказывали на его стиль

(как и на стиль Робера де Клари) повествовательные приемы, присущие рыцарскому эпосу, — песням о подвигах (*chansons de geste*), героическим сказаниям и романам, пользовавшимся популярностью в феодальной среде. Сплошь и рядом у хрониста встречаются лексические обороты, типичные для эпоса Северной Франции конца XII — начала XIII в. Он часто употребляет, например, явно идущие от устной речи одни и те же застывшие словесные «формулы», которые либо напоминают аудитории о чем-то, уже изложенном ранее, либо предуведомляют ее о событиях, которым предстоит быть рассказанными в ходе дальнейшего повествования, «как я вам сказал», но не «как я написал»!^{*}

Постоянно применяет хронист стереотипные обороты, когда подводит «итог» изложению какой-то группы событий («таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест» — § 69; «так они отплыли из гавани Венеции, о чем вы [только что] слышали» — § 76; «вот таким образом, как вы слышали, была поделена константинопольская добыча» — § 255 и т. п.; ср. § 334, 414)^{**}. Среди приемов авторского повествования мы находим и распространенные в рыцарском эпосе переходные «мостики», связывающие разные, хотя и смежные, сюжеты, о которых идет речь в рассказе (§ 229: «Больше мы вам [пока] ничего не скажем о тех, кто оставался в Константинополе, а поведаем вам о тех, кто отправился в другие гавани»)^{***}. Нередко автор записок прямо обращается к своим слушателям: «А теперь послушайте-ка об одном из самых величайших чудес» — § 70; «И тщетно стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный...» — § 77; «Так вот, сеньоры, знайте, что если бы...» — § 104 и пр. Из аналогичного расхожего в устном творчестве той поры словарного запаса заимствованы отдельные излюбленные Жоффруа де Виллардуэном словечки — «измена» или «предательство» — в смысле несоблюдения или открытого нарушения вассальных

^{*} Beer J. Villehardouin, Epic Historian. Geneve, 1968. P. 34.

^{**} Ibid. P. 39.

^{***} Ibid. P. 40.

обязательств (§ 214)*, удвоения одинаковых по значению понятий («опочил и преставился»), использование идентичных выражений в характеристике сходных ситуаций** и многое другое в этом же роде.

В самих описаниях тех или иных реалий антуража Крестового похода, тех или иных впечатлений, которые испытывали его участники, включая самого хрониста, нередко также заметны стилевые следы эпоса с его «былинной», расплывчато-обобщенной и стереотипной картинностью. Именно в такой «былинно»-схематичной, традиционной для эпоса манере нарисована панорама Константинополя, который впервые предстал во всем своем величии очам «пилигримов», находившихся «на нефах, галерах и юиссье» в июне 1203 г.: они «и вообразить не могли, что где-либо на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены и эти богатые [могучие] башни, которыми он весь был обнесен вокруг, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами...» (§ 128).

Та же шаблонная схема воспроизводится хронистом, притом в таких же словах, и там, где он передает впечатления рыцарей, рассматривавших город уже не издалека, с расстояния в три лье, как это было в первом случае, а непосредственно побывавших в византийской столице после водворения на престоле Исаака II Ангела (18 июля 1203 г.): «Вы можете узнать, что многие из войска [пилигримов] отправлялись повидать Константинополь и [посмотреть на] богатые дворцы, и высокие церкви, которых там было так много, и великие богатства, такие, которых никогда вообще не было в каком-либо городе» (§ 192). Жоффруа де Виллардуэн употребляет стертые, пригодные к применению во всякой аналогичной ситуации эпитеты и во многих других описаниях сходного типа: «высокими стенами и высокими башнями» укреплен далматинский Задар («и тщет-

* Ibid. P. 44.

** См. подробнее: *Dufournet J. Les ecrivains de la IVe croisade. Villehardouin et Clari. P., 1973. P. 247–258.*

но стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный, или более укрепленный, или более богатый» — § 77); «сильнейшими» и «богатыми» крепостями рисуются балканские города, захваченные крестоносцами уже после взятия Константинополя, — Христополь (§ 280), Ла Бланш («весьма сильная и богатая» — § 280), Серры («это был укрепленный и богатый город» — там же), Салоники (один «из самых лучших и самых богатых в христианском мире» — там же), приморские города Коринф и Навплия, отдавшиеся под власть византийского феодального магната Льва Сгура (города, «самые могущественные под небесами» — § 301) и т. д.

Влияние такого рода и других традиций рыцарского эпоса, прослеживаемое в хронике Жоффруа де Виллардуэна, неудивительно. Ведь будущий историк Четвертого Крестового похода провел свою молодость и зрелые годы при дворе графа Анри Щедрого (1127–1181) и его преемников, причем почти 15 лет (с перерывом) находился в ближайшем окружении графини-регентши Марии Шампанской, покровительницы труверов, сказителей, романистов. Ее двор являлся своеобразным центром литературного творчества*. К тому же дочь Алиеноры Аквитанской в противоположность своему ученому супругу графу Анри Щедрому, светски и богословски образованному человеку, владевшему латынью и чтившему античных авторов, отдавала бесспорное предпочтение литературе на родном языке. Мария Шампанская, привившая шампанскому двору поэтические вкусы пуатевинского и английского дворов, как известно, вдохновила выдающегося поэта-романиста Кретьена де Труа на создание снискавшего ему славу романа о Ланселоте. Ей посвятили свои произведения видные представители эпической поэзии Гас Брюле и Готье Аррасский**.

* Histoire de la Champagne, Publiee sous la direction de M. Grubellier. Toulouse, 1975. P. 132; *Dufournet J.* Op. cit. P. 40.

** Ibid.; см. также: *Lejeune R.* La femme dans les litteratures francaises et occitane du XIe au XIIIe siecles//Cahiers des civilisations medievals. 1977. № 2–3. P. 206.

Находясь в таком изысканном литературном окружении*, маршал Шампанский имел, конечно, все возможности для того, чтобы хорошо узнать творения певцов, вымышленных их фантазией рыцарских деяний и усвоить определенные черты их стиля. Установлено, во всяком случае, что с *chansons de geste* Жоффруа де Виллардуэн был знаком, несомненно, в большей степени, чем с современной ему латинской литературой, которая являлась доменом преимущественно писателей-клириков**. Не случайно его хроника начисто лишена каких-либо черт агиографичности: в повествовании мемуариста полностью отсутствуют «священные небылицы», в нем не упоминаются «чудеса» святых Георгия и Маврикия, не говорится об их «реальном» участии в битвах и т. п. «фактах», случившихся обычными аксессуарами и латинской хронографии, и рыцарского эпоса Крестовых походов, который складывается в XII в.

С другой стороны, однако, само поэтическое мышление, само образное восприятие мира сказителями, пользовавшимися таким признанием при дворе графов Шампанских, не оказали, по сути, никакого влияния на хрониста. Его не воодушевляли куртуазные принципы ни Кретьена де Труа, ни тем более трубадуров (таких, как Рамбаут де Вакейрас, Гаусельм Файдит, Эльяс Кайрель де Марей), которым покровительствовал маркиз Бонифаций Монферратский***, с кем будущий историк Крестового похода находился в весьма добрых отношениях. Жоффруа де Виллардуэн служил в молодые годы своему графу-философу Анри Щедрому, которого высоко ценил и к окружению которого также принадлежали мужи и сведущие в богословии, и сопричастные светской образованности. Таковы бывший секретарь аббата Бернара Клервоского — Николя де Монтъерамей, выполнявший затем эту должность при графе Шампани; знаменитый эрудит своего времени, «теоретик» хронографии Иоанн Солсберийский, трактовавший историю как

* Ср.: Михайлов А. Д. Молодые годы Кретьена/Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 438–439.

** Beer J. Op. cit. P. 5.

*** Dufournet J. Op. cit. P. 45, 47.

сферу чисто человеческих дел и событий, в которой Бог не играет решающей роли*. Возможно, что именно близость к Анри Щедрому и окружавшим его интеллектуалам послужила одним из факторов (согласно гипотезе Ж. Дюфурнэ), способствовавших дистанцированию Жоффруа де Виллардуэна от образного мировосприятия, свойственного представителям куртуазной поэзии**, пусть какие-то формальные элементы их творчества и не прошли для него вовсе бесследно.

Показательно в этом отношении, например, что все неведомое, экзотичное, с чем сталкивались крестоносцы на своем пути, он передает в выражениях, близких к тем, которые употреблял и для описания повседневной реальности. Так, будучи немало изумлен, как и остальные сеньоры-крестоносцы, громадностью Константинополя, Жоффруа де Виллардуэн деловито приравнивает величину кварталов, сгоревших во время третьего пожара города, к размерам трех взятых вместе больших городов «королевства Франции» (§ 247)***. Он вообще равнодушен к ходячим образам, наполняющим, к примеру, рифмованные хроники; мемуарист не прибегает к нагромождениям необычных слов, чтобы воспроизвести «местный колорит», как поступает, скажем, Вас, автор «Романа о Бруте»****. Когда Жоффруа де Виллардуэн характеризует флот, на котором крестоносцы отбыли в октябре 1202 г. из Венеции, то эта картина с точки зрения ее выразительности оказывается довольно блеклой и, во всяком случае, явно уступает тем, в которых раскрываются аналогичные сюжеты у Васа*****. Жоффруа де Виллардуэн удивительно скуп в выборе слов, но это и понятно: ведь он не поэт и не романист, ему не надо было перерабатывать и «оживлять» свои источники — он сам выступал очевидцем рассказываемого. Хронист, наверное, мог бы, если бы захотел,

* *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 166–167.

** *Dufournet J.* Op. cit. P. 41.

*** *Beer J.* Op. cit. P. 11.

**** Ср.: *Wolledge B.* Notes on Wace's Vocabulary//The Modern Language Review. 1951. Vol. XLVI. P. 16–30.

***** *Beer J.* Op. cit. P. 11.

включить в текст принятые и авторами художественных произведений того времени «общие места», тем не менее он их избегает, проявляя сдержанность, которая, по излишне суровой оценке Дж. Бир, подчас граничит — в расплывчатых, порой до схематизма, описаниях — с бессодержательностью*.

Наряду с эпическим в повествовании хрониста заметно влияние и определенных элементов другого нарративного жанра — волшебных сказок. «А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес» — так начинается рассказ о предыстории бегства царевича Алексея из Константинополя в Италию, о дворцовом перевороте 1195 г., об ослеплении Исаака II его братом Алексеем III и пр. (§ 70). Подобный зачин свойствен именно сказкам, где действуют чудесники и чудесницы. То же относится и к хронологической неопределенности, проступающей в отдельных местах повествования, к примеру, в следующем затем продолжении того же рассказа: «В это самое время был в Константинополе император по имени Сюрсак» и т. д. В какое «это самое время»? Ведь здесь говорится не о том времени, событий которого Жоффруа де Виллардуэн был участником и свидетелем, а о более раннем! Перед нами типичная «размытая» формула стиля устного сказочного фольклора. Хронист применяет ее здесь, вероятно, и потому, что не знает точных дат излагаемых фактов, и, возможно, желая избежать педантичного воспроизведения деталей, способных замедлить его динамичный рассказ. «В это самое время» — просто расхожий для хрониста, как и в фольклоре, оборот речи — и не более того; в других случаях он ведь и обнаруживает знание политической истории Византийской империи, и не скупится на подробности, необходимые для того, чтобы придать ясность повествованию**.

Итак, мы вправе констатировать литературные влияния, сказавшиеся на историческом труде «маршала Романии и Шампани», в первую очередь влияние, главным образом формальное, рыцарского эпоса, вполне закономерное в той обстановке,

* Ibid. P. 12.

** Ibid. P. 8.

в которой жил и действовал министерял графов Шампанских. Из этого вовсе не следует, однако, что он был «эпическим историком», как полагала Дж. Бир, или, тем паче, «куртуазным писателем», каким склонна изображать его О. Смолицкая. Нередко попытки представить Жоффруа де Виллардуэна писателем эпического склада объективно апологетичны. В этом отношении примечательна, в частности, позиция К. Морриса, который как раз традициями рыцарского эпоса, наложившими некоторый отпечаток, сильно преувеличиваемый исследователем, на труд Жоффруа де Виллардуэна, объясняет все его недостатки*. Автор «Завоевания Константинополя», по Моррису, прежде всего рыцарь, ветеран Крестовых походов, его интерес сосредоточен почти целиком на батальной истории, на подвигах соратников; ко всему прочему, включая нравственную сторону их деяний, он якобы безразличен. И хотя хронист рисует реальную действительность, он тем не менее, полагает Моррис, писатель эпический, отсюда его упущения и всякого рода «неточности».

Ссылки на эпические традиции и гиперболизация их воздействия на автора записок «Завоевание Константинополя», который, по его собственным уверениям, рассказывал одну лишь правду и «ни разу ни единым словом не солгал с умыслом о том, что ему ведомо» (§ 120), призваны, таким образом, ретроспективно снискать «прощение» Жоффруа де Виллардуэну за допущенные им «промахи» и, как увидим, зачастую намеренные искажения, а тем самым в завуалированной форме призваны затушевать и наиболее неприглядные стороны Крестового похода, приведшего к завоеванию христианской Византии «воинами Христовыми», оправдать его в полном соответствии с тем, как это делает и сам хронист, о чем — далее.

Из сказанного явствует, что если даже и принимать во внимание известное воздействие эпических традиций на форму преподнесения событий в записках Жоффруа де Виллардуэна,

* *Morris C. Geoffroy de Villehardouin and the Conquest of Constantinople // History. 1968. Febr. Vol. 53. № 177. P. 24–34. См. нашу рец.: Вопросы истории. 1969. № 2. С. 199–200.*

а отвергать это воздействие не приходится, то все же нет никаких оснований подходить к оценке его произведения в целом только с такими, чисто литературными мерками, ибо хроника Жоффруа де Виллардуэна прежде всего исторический труд*. В той связи весьма существенно выяснить прежде всего, насколько привержен Жоффруа де Виллардуэн провиденциалистской доктрине, насквозь пронизывающей в XII–XIII вв. историографию Крестовых походов.

* *Larmat J.* Sur quelques aspects de la religion chretienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari//Le Moyen age. 1974. № 3–4. P. 427; ср.: Ibid. Note. Здесь приведено аналогичное мнение Ж.-Ш. Пайен (*Payen J. Ch.* Le Motif du repentir dans la Litterature francaise medievale (des origines a 1230). Geneve, 1968).

[ПРОПОВЕДЬ КРЕСТОВОГО ПОХОДА
(1198 — НОЯБРЬ 1199 г.)]

1

Знай­те, что в год тысяча сто девяносто седьмой от воплощения Господа нашего Иисуса Христа¹, во время Иннокентия, апостолика Рима², и Филиппа³, короля Франции, и Ричарда⁴, короля Англии, был некий святой человек во Франции⁵ по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк⁶, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово Божье во Франции и в других окрестных землях; и знайте, что наш Господь творил через него многие чудеса.

2

Знай­те, что слава этого святого человека распространилась столь далеко, что дошла до Иннокентия, апостолика Рима; и апостолик направил своих людей во Францию и поручил этому благочестивому⁷ мужу, чтобы он проповедовал крест его, апостолика, волей⁸. И после того он направил туда своего кардинала мэтра Пьера де Шаппа⁹, принявшего крест¹⁰; и поручил через него давать такое отпущение грехов крестоносцам, как я вам скажу: всем тем, кто возьмет крест и прослужит Богу в войске один год, будут прощены все грехи, которые они со-

деяли и в которых исповедались¹¹. Так как это отпущение было весьма великим, сердца людей сильно растрогались, и многие приняли крест, потому что отпущение было столь великим.

[ПРИНЯТИЕ ОБЕТА КРЕСТОВОГО ПОХОДА
(ОТ 28 НОЯБРЯ 1199 Г. ДО ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ 1200 Г.)]

3

На следующий год¹², после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово Божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, называвшемся Экри¹³; и милостью Божьей случилось так, что Тибо¹⁴, граф Шампани и Бри, принял крест, равно как и Луи¹⁵, граф Блуаский и Шартрский. И произошло это в канун адвента¹⁶. Так вот знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет¹⁷; а графу Луи было не более двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Франции¹⁸ и троюродными братьями¹⁹, а также, с другой стороны, племянниками короля Англии²⁰.

4

Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма знатных барона Франции — Симон де Монфор²¹ и Рено де Монмирай²². Великая слава прошла по всем землям, когда эти два знатных мужа взяли крест.

5

Во владениях графа Тибо Шампанского крест приняли Гарнье, епископ Труа²³, граф Готье де Бриенн²⁴, Жоффруа де Жуанвиль, который был сенешалом этой земли²⁵, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Гюи дю Плесси, его брат, Анри д'Арзильер, Ожье де Сен-Шерон, Виллэн де Нюлли, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский²⁶, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нюлли, Готье де Фюлиньи, Эврар де Монтиньи, Манассье де л'Иль²⁷, Макэр

де Сент-Менеу²⁸, Милон ле Бребан²⁹, Гюи де Шапп, Кларембо, его племянник, Рено де Дампьер, Жан Фуанон и многие другие добрые люди, о которых книга нигде не упоминает³⁰.

6

С графом Луи крест взяли Эрве дю Шатель, Эрве, его сын, Жан де Вирсэн, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрей, Пэйан Орлеанский³¹, Пьер де Брасье³², Гюг, его брат, Гийом де Сэн, Жан Фризский, Готье де Годонвилль, Гюг де Кермерэ, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фрувиль, Пьер, его брат, Орри де л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает³³.

7

Во Франции³⁴ крест взяли Невелон, епископ Суассонский³⁵, Матье де Монморанси³⁶, Гюи, шателен де Кузи, его племянник, Робер де Ронсуа, Ферри д'Иерр, Жан, его брат, Готье де Сен-Дени, Анри, его брат, Гийом д'Онуа, Робер Мовуазэн, Дрюэ де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де Бов, Робер, его брат³⁷, и многие другие добрые рыцари³⁸, о которых книга здесь умалчивает.

Тибо Шампанский

8

С наступлением следующего Великого поста, в день, когда посыпают на голову пепел³⁹, в Брюгге крест взяли Бодуэн⁴⁰, граф Фландрии и Эно, и графиня Мария, его супруга, которая приходилась сестрой графу Тибо Шампанскому. Затем крест взяли Анри, его брат⁴¹, Тьерри, его племянник, который был сыном графа Филиппа Фландрского⁴², Гийом Бетюнский, поверенный⁴³, Конон, его брат⁴⁴, Жан Нельский, шателен Брюгге⁴⁵, Ренье Тритский⁴⁶, Ренье, его сын, Матье де Валинкур⁴⁷, Жак д'Авень⁴⁸, Бодуэн де Бовуар⁴⁹, Гюг де Бомэц, Жерар де Маншикур, Эд де Ам, Гийом де Гоменьи, Дрюэ де Борэн, Роже де Марк, Эсташ де Собрюик, Франсуа де Колеми, Готье де Бузи, Ренье де Моне, Готье де Томб, Бернар де Субренжъен и многие добрые рыцари, о которых книга не говорит.

9

Затем взял крест граф Гюг де Сен-Поль⁵⁰. С ним приняли крест Пьер Амьенский, его племянник⁵¹, Эсташ де Кантелэ, Николя де Майи, Ансо де Кайо, Гюи де Удэн, Готье Нельский, Пьер, его брат, и многие другие люди, коих мы не знаем⁵².

10

А уж потом взяли крест граф Жоффруа Першский⁵³, Этъен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де ла Жай, Эмери де Вильруа, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не ведаю.

11

Затем бароны держали совет в Суассоне⁵⁴, чтобы определить, когда они хотели бы двинуться в путь и куда хотели бы отправиться. Они не смогли в тот раз достигнуть согласия, потому что им казалось, что у них нет еще достаточного числа людей, принявших крест. Не прошло и двух месяцев в том же году, как они собрались на совет в Компьене⁵⁵. Там были все графы и бароны, которые приняли крест. Здесь сказаны, выслушаны и поданы были разные советы; но окончательное

решение было таково, чтобы направить лучших послов, каких только могли бы сыскать, и предоставить им все полномочия предпринимать любые действия как сюзеренам.

[ПЕРЕГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ
О ПЕРЕВОЗЕ «ЗА МОРЕ». СБОРЫ В ПОХОД
(1200 — май 1202 г.)]

Жоффруа де Виллардуэн

12

Из этих послов двух послал Тибо, граф Шампани и Бри; и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, двух; и Луи, граф Блуаский, двух. Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский⁵⁶, и Милон ле Бребан; а послами графа Бодуэна были Конон Бетюнский и Алар Макуро; и послами графа Луи — Жан Фриезский и Готье де Годонвиль⁵⁷.

13

Этим шестерым они полностью поручили заботу о своем деле, выдав им добрые всяческие грамоты⁵⁸, которые удостоверяли, что они твердо выполняют те условия, которые заключат эти шестеро в каких-либо морских портах, в любом месте, куда ни явятся.

14

Шесть послов отправились, как вы слышали, и держали совет между собой, и пришли к согласию друг с другом в том, что в Венеции они смогут найти гораздо большее количество

судов, чем в каком-либо другом порту⁵⁹. И они пустились в дорогу и ехали от одного места до другого⁶⁰, пока в первую неделю Великого поста⁶¹ не прибыли.

15

Дожд Венеции⁶², которого звали Энрико Дандоло и который был человеком весьма мудрым и доблестным⁶³, принял их с большим почетом — и сам он, и другие люди; и все встретили их очень хорошо. И когда они предъявили грамоты своих сеньоров, венецианцам было очень любопытно узнать, для какого дела они прибыли в их землю. То были верительные грамоты, и графы писали, чтобы их послам верили бы, словно лично им самим, и что они, графы, примут все условия, что эти шестеро учинят.

Четвёртый Крестовый поход

16

И дож ответил им: «Господа, я ознакомился с вашими грамотами. Мы удостоверились в том, что сеньоры ваши являются самыми знатными лицами из тех, кто не носит короны⁶⁴. И они просят нас доверять вам во всем, что бы вы нам ни сказали, и считать прочным все, что вы учините⁶⁵. Говорите же, что вам угодно».

17

И послы ответили: «Государь, мы желаем, чтобы вы созвали свой совет⁶⁶, и перед вашим советом мы скажем вам, о чем просят вас наши сеньоры, завтра, коли вам угодно»⁶⁷. И дож ответил им, что он просит у них отсрочки до четвертого дня, и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего хотят.

18

Они переждали до четвертого дня, который он им установил. Они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен⁶⁸, и нашли дожа и его совет собравшимися в особом покое и изложили данное им поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от знатных баронов Франции, которые приняли крест, чтобы отомстить за поругание, учиненное над Иисусом Христом, и отвоевать Иерусалим, если соблаговолит то Бог. И поелику они знают, что никакой другой народ не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, чтобы оказать им содействие, то они просят вас, во имя Бога, чтобы вы сжалились над Заморской землею⁶⁹ и отомстили за поругание над Иисусом Христом и чтобы вы решили, как они смогли бы получить у вас суда и корабли для перевоза»⁷⁰.

19

«А на каких условиях?» — спросил дож. «На любых условиях, — сказали послы, — какие бы вы им ни предложили или ни присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». — «Разуме-

ется, — сказал дож, — дело, которое они у нас просят, — великое дело, и кажется, что они замыслили важное предприятие. И мы дадим вам ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. А вы не удивляйтесь, если срок так долог, ибо надобно как следует обдумать столь великое дело».

20

В срок, который дож им назначил, они вернулись во дворец. Я не мог бы передать вам все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены. Однако конец говоренного был таков: «Сеньоры, — сказал дож, — мы сообщим вам решение, которое мы приняли, коль скоро сумеем склонить наш великий совет⁷¹ и весь народ земли нашей одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, сможете ли согласиться на то, чтобы принять наши условия.

21

Мы поставим юиссье⁷², могущие перевезти 4500 коней и девять тысяч оруженосцев, и нефы⁷³ для перевоза 4500 рыцарей и двадцати тысяч пеших ратников. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают прокорм и провиант на девять месяцев. Вот что мы сделаем по самой низкой цене, а именно на том условии, что нам заплатят за каждого коня четыре марки и за каждого человека две марки⁷⁴.

22

И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить Богу и всему христианскому миру в каком бы то ни было месте. Общая сумма этого расхода, который только что назван, составляет 94 тыс. марок.

23

А сверх того мы сделаем вот что: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер⁷⁵ из любви к Богу⁷⁶ на условии, что до тех пор, пока наш союз будет сохраняться, от всех завоеваний,

которые мы произведем на море или на суше, будь то земли или имущество, половину получим мы, а другую — вы. Теперь посоветуйтесь, сможете ли вы это выполнить и принять».

24

Послы вышли; и они сказали, что переговорят об этом между собой и ответят им завтра. Они совещались друг с другом и проговорили всю эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять предлагаемые условия; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он переговорит об этом со своими людьми и, к чему придет, даст им о том знать.

25

На следующий, третий день⁷⁷ дож, который был мужем мудрым и доблестным, созвал свой великий совет; а совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим ясным умом и здравым смыслом, который был у него весьма хорош, он склонил их одобрить и пожелать выполнить его предложение.

Сначала он склонил их, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласилось и не одобрили⁷⁸. Наконец, он созвал по крайней мере десять тысяч в церкви Св. Марка⁷⁹, красивейшей из всех, какие только есть на свете; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню Святого Духа и молили бы Бога вразумить их насчет просьбы, с которой обратились к ним послы. И все весьма охотно это исполнили.

26

Когда обедня была проговорена, дож позвал послов, чтобы они смиренно просили весь народ согласиться на утверждение этого договора. Послы явились в храм⁸⁰. Их с любопытством разглядывало множество людей, которые их никогда не видели.

27

Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани⁸¹, с согласия и по воле других послов взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые знатные и самые могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинают вас о милости, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, который находится в порабощении у турок⁸², и, Бога ради, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поругание Иисуса Христа. Выбрали же они вас, ибо знают, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваш народ. И они повелели припасть к вашим стопам и не подниматься, покуда вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем»⁸³.

28

Тогда шестеро послов склонились на колени пред ними, проливая обильные слезы, и дож, и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздевая высоко руки⁸⁴, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!». И затем поднялся столь великий шум и крик, что казалось, разверзается земля.

29

И когда этот великий шум улегся и улеглась эта великая жалость, столь сильная, что подобной никто никогда не видел, добрый дож Венеции, который был человеком весьма мудрым и доблестным, взошел на амвон⁸⁵ и, обратившись к народу, сказал ему так: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей поддержки, чтобы совершить вместе с вами столь великое дело, как освобождение нашего Господа!»⁸⁶

30

Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не могу все их вам передать. Конец же дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и

они были составлены и написаны. Когда они были изготовлены, то на совете было разъяснено, что поход будет направлен к Вавилону⁸⁷, потому что со стороны Вавилона турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А во всеуслышание было объявлено, что они отправятся за море⁸⁸. Тогда был Великий пост⁸⁹ и постановили, что через год со Дня св. Иоанна⁹⁰ — то будет 1202 год от воплощения Иисуса Христа — бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли для них — быть готовы.

31

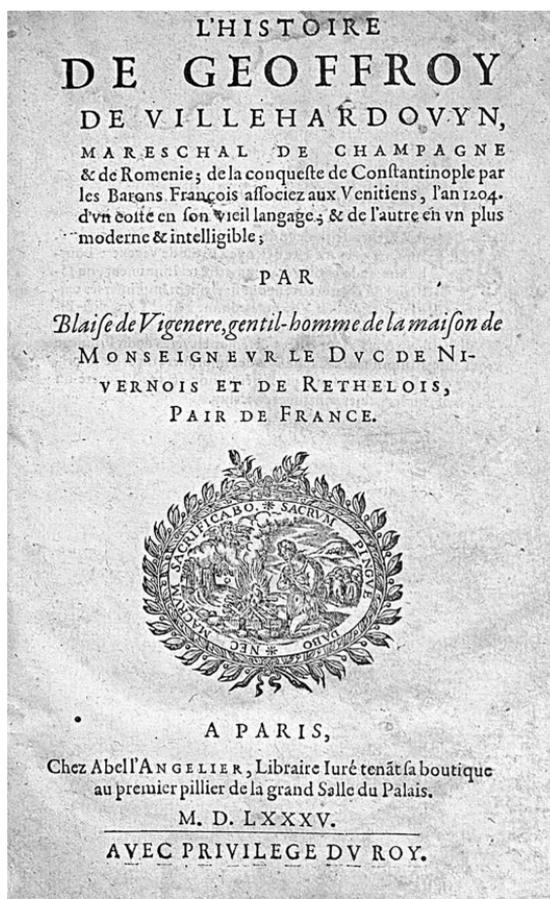
Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дожу в большой дворец, где были Великий совет и Малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колено, обливаясь слезами, и поклялся на Святом Евангелии⁹¹ честно соблюсти соглашения, которые были начертаны в грамотах, и весь его совет, который состоял из сорока шести особ⁹², тоже. И послы, со своей стороны, поклялись блюсти соглашения, начертанные в грамотах, и по-честному выполнить клятвы своих сеньоров и собственные. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих вестников в Рим к апостолику Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно⁹³.

32

Тогда послы заняли пять тысяч марок серебра в городе⁹⁴ и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они скакали от одного места к другому, пока не прибыли в Плезанс⁹⁵, что в Ломбардии.

Там они разъехались: Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие поехали в Геную и в Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской земле⁹⁶.

Титул книги
 де Виллардуэна,
 изданной в 1585 г.

33

Когда Жоффруа, маршал Шампани, перевалил Монсенис⁹⁷, он встретил графа Готье де Бриенна; тот направлялся в Апулию отвоевывать земли своей супруги, на которой он женился после того, как принял крест, и которая была дочерью короля Танкреда⁹⁸. С ним направлялись Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Робер де Жуанвилль и большая часть добрых людей из Шампани, принявших крест⁹⁹.

34

И когда он поведал им насчет того, что они содеяли, те выразили весьма бурную радость и вполне одобрили этот успех, и сказали ему: «Мы уже в дороге; и когда вы прибудете, вы найдете нас совершенно готовыми». Но события происходят так, как угодно Богу, и им не представилось больше никакой возможности присоединиться к войску. Это было большое несчастье, ибо они были весьма отважны и доблестны. И так-то вот они разъехались, и каждый поехал своей дорогой.

[ИЗБРАНИЕ БОНИФАЦИЯ МОНФЕРРАТСКОГО
ПРЕДВОДИТЕЛЕМ КРЕСТОВОГО ПОХОДА
(СЕНТЯБРЬ 1201 г.)]

35

Маршал Жоффруа скакал от одного места к другому, покуда не прибыл в Труа в Шампани¹⁰⁰ и нашел своего сеньора графа Тибо¹⁰¹ больным и в печали. И тот был очень рад его прибытию. И когда он ему рассказал, что они содеяли, он выказал такую радость, что сказал, что оседлает коня, чего уже давно не делал, и он сел на коня. Увы! Какое великое горе! Ибо он уже никогда больше не мог сесть на коня, кроме как в этот раз.

36

Его болезнь нарастала и становилась все сильнее, так что он составил завещание и отдал свои распоряжения. И он разделил деньги, которые должен был взять с собой, между своими людьми и спутниками, среди которых имелось много добрых ратников: в те дни никто не имел стольких. И он распорядился, чтобы каждый, получив свои деньги, поклялся на святых мощах, что отправится с войском Венеции, как он ей обещал. И нашлось много таких, которые плохо сдержали свою клятву и были за это сильно порицаемы. Остальную часть своих денег граф распорядился сохранить на нужды войска и израсходовать ее там, где, как это будет видно, пойдут на пользу дела деньги¹⁰².

37

Так опочил граф, и это был один из тех на свете, кто кончил жизнь столь хорошо¹⁰³. И там находилось множество его сородичей и его вассалов; нет надобности рассказывать о трауре, который был устроен, ибо никогда не справлялся по ком-либо столь великий траур; да так оно и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был столь любим ни его вассалами, ни прочими людьми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви монсеньора Св. Этьена в Труа¹⁰⁴.

Графиня, его супруга по имени Бланш, овдовела. Она была очень красива и добра и являлась дочерью короля Наваррского; она имела от мужа дочку и была тяжела сыном¹⁰⁵.

38

Когда графа похоронили, Матье де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвилль, который был сенешалем, и Жоффруа, маршал, отправились к герцогу Эду Бургундскому¹⁰⁶ и сказали ему так: «Сеньор, ты видишь несчастье, которое постигло Заморскую землю. Богом заклинаем тебя взять крест и помочь Заморской земле, заступив место усопшего¹⁰⁷. И мы устроим так, чтобы тебе были вручены все его деньги, и мы поклянемся тебе на святых мощах, и мы заставим остальных тоже поклясться, что мы будем честно служить тебе, так как мы служили бы ему».

39

Воля его была такова, что он отказался. Знайте, что он мог бы поступить лучше. Тогда они поручили Жоффруа де Жуанвиллю обратиться с таким же предложением к графу Тибо Бар-Ле-Дюку, кузену покойного графа¹⁰⁸. И он тоже отказался.

40

Большим горем для пилигримов и для всех тех, кто должен был отправиться на служение Господу, явилась смерть графа Тибо Шампанского. И в конце месяца¹⁰⁹ они держали совет

в Суассоне, чтобы выяснить, что же делать. Там были граф Бодуэн Фландрский и Эно и граф Луи Блуаский и Шартрский, граф Жоффруа Першский, граф Гюг де Сен-Поль и многие другие доблестные люди.

41

Жоффруа, маршал, молвил им слово и рассказал о предложении, которое они сделали герцогу Бургунскому и графу Бар-Ле-Дюку, и как те им отказали. «Сеньоры, — сказал он, — послушайте: я посоветую вам одну вещь, если вы позволите. Маркиз Бонифаций Монферратский¹¹⁰ — весьма доблестный муж и один из наиболее чтимых среди тех, кто ныне здравствует. Если вы его попросите приехать сюда, и взять крест, и заступить место графа Шампанского, и если вы предоставите ему предводительство над войском, он примет его тотчас»¹¹¹.

42

Много говорено было слов, судили и рядили так и сяк¹¹², но конец говоренного был таков, что все, великие и малые, согласились. И были написаны грамоты, и избраны послы; и их отправили просить его. И он прибыл в день, который они ему назначили, через Шампань и Францию, где ему оказали великие почести, и даже король Франции, кузеном которого он приходился¹¹³.

43

Так он прибыл на совет, который назначен был в Суассоне¹¹⁴, и было там великое скопление графов, баронов и крестоносцев. Когда они узнали, что маркиз прибыл, то выехали ему навстречу и воздали ему великие почести. Наутро состоялся совет в винограднике аббатства госпожи Св. Марии Суассонской¹¹⁵. Там они склоняли маркиза принять то, за чем его призвали, и умоляли его, Бога ради, взять крест, и согласиться предводительствовать войском, и заступить место Тибо

Шампанского, и взять его деньги¹¹⁶. И все они припали к его стопам, обливаясь слезами. И он также припал к их стопам и сказал, что сделает это весьма охотно.

44

Так маркиз склонился к их просьбе¹¹⁷ и получил предводительство войском. Тотчас епископ Суассонский и монсеньор Фульк, святой человек, и два белых аббата¹¹⁸, которых он привез из своей земли, повели его в церковь Богоматери и прикрепили ему крест на плечо¹¹⁹. Так закончился этот совет; и на следующий день маркиз покинул их, чтобы вернуться в свою землю и устроить свои дела; и он сказал, чтобы каждый уладил свои дела и что он снова встретится с ними в Венеции.

45

Оттуда маркиз отправился на капитул в Сито¹²⁰, который собирался в Праздник Св. Креста в сентябре¹²¹. Там узрел он великое множество аббатов, баронов и других людей; отправился туда и монсеньор Фульк, чтобы проповедовать крест. Тут взяли крест шампанец Эд де Шанлитт¹²² и Гийом, его брат¹²³, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, Гюи де Пэм, Эм, его брат, Гюи де Конфлан и многие добрые люди из Бургундии, имена которых здесь не начертаны. Потом крест приняли епископ Отюнский, Гиг, граф де Форэ, Гюг де Берзэ, отец и сын, Гюг де Колиньи, далее в Провансе взяли крест Пьер Бромон и много других людей, чьи имена мы не ведаем.

46

Так бароны и пилигримы приготавливались во всех землях. Увы! Сколь великая беда приключилась с ними следующим Великим постом¹²⁴ накануне отъезда. Тогда граф Жоффруа Першский слег от хвори и составил свое завещание, распорядившись таким образом, чтобы Этьен, его брат, взял его деньги и предводительство над его людьми¹²⁵. Не случись этой

перемены, пилигримы не претерпели бы столь сильно, коли этого захотел бы Бог¹²⁶. Так скончался и опочил граф, что было великой утратой; и в самом деле — ведь он был весьма знатным бароном и весьма почитаемым и добрым рыцарем. Великий траур был по всей его земле.

[КРЕСТОНОСЦЫ В ВЕНЕЦИИ

(ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ 1202 г.)]

[ОТПЛЫТИЕ. ПЕРВЫЕ ДЕЗЕРТИРЫ

(ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1202 г.)]

47

После Пасхи, около Пятидесятницы¹²⁷, пилигримы начали отправляться из своих земель. И знайте, что много пролито было слез жалости о покидавших свои края их друзьями и их людьми. Так ехали они на конях через Бургундию и перевалили горы Монжэ¹²⁸ и миновали Мон-Сенис и Ломбардию. И стали таким образом собираться в Венеции и располагались на некоем острове, который именуется островом Св. Николая¹²⁹, в гавани.

48

В это время отбыла морем флотилия из Фландрии, где было великое множество добрых вооруженных людей¹³⁰. Капитанами этой флотилии являлись Жан де Нель, шателен Брюгге, и Тьерри, сын графа Филиппа Фландрского, и Николая де Майи. И они обещали графу Бодуэну, и поклялись ему на святых мощах, что поплывут через Марокканский пролив¹³¹ и присоединятся к венецианскому войску и к нему самому в любом месте, куда им будет велено повернуть. И по этой причине граф и Анри, его брат, послали с ними часть своих кораблей, нагруженных одеждой, съестными припасами и прочими вещами.

49

Великолепен и весьма богат был этот флот; граф Фландрский и пилигримы питали к тем людям великое доверие, ибо наибольшая часть их доблестных оруженосцев отплыли с этим флотом. Однако они дурно сдержали слово своему сеньору, эти и все остальные, потому что убоялись и сами они, и многие другие великой опасности, в которую ввязались те, кто находился в Венеции.

50

Вот так-то случилось, что среди них отсутствовали епископ Отюнский, Гиг, граф Форэ, и Пьер Бромон, и многие другие, которые были за это весьма порицаемы, да и мало что содеяли там, куда направлялись. А из французов¹³² у них недоставало также Бернара де Морей, Гюга де Шомона, Анри д'Арэна, Жана де Виллера, Готье де Сен-Дени, Гюга, его брата, и многих других, которые уклонились от приезда в Венецию по причине великой опасности, что там была, и двинулись в Марсель¹³³, отчего им был великий позор, и они были сильно порицаемы, и из-за этого их постигла затем великая неудача.

51

А теперь оставим их и скажем о тех пилигримах, бóльшая часть которых уже прибыли в Венецию. Туда уже прибыли граф Бодуэн Фландрский¹³⁴ и многие другие. Тут к ним пришло известие, что многие пилигримы направились другими дорогами в другие гавани; и они были этим весьма встревожены, ибо не могли выполнить свои обязательства и уплатить венецианцам деньги, которые были им должны.

52

И, посоветовавшись между собой, они решили выслать навстречу пилигримам добрых послов, также и навстречу графу Луи Блуаскому и Шартрскому¹³⁵, который еще не прибыл,

чтобы ободрить их, и просить их проникнуться жалостью к Заморской земле, и убедить, что никакая другая дорога не выгодна так, как через Венецию.

53

Для этого посольства были избраны граф Гюг де Сен-Поль и Жоффруа, маршал Шампани; и они поехали на конях до Павии в Ломбардии¹³⁶. Там они застали графа Луи с великим множеством добрых рыцарей и прочих добрых ратников. Их увещевания и просьбы склонили повернуть к Венеции довольно многих людей, которые собирались было пойти другими путями в другие гавани.

54

Тем не менее очень многие добрые люди отправились из Плезанс другими дорогами в Апулию¹³⁷. Среди них были Вилэн де Нейи, один из доблестнейших рыцарей на всем свете, Анри д'Арзильер, Рено де Дампьер¹³⁸, Анри де Лоншан, Жиль де Тразиньи¹³⁹, который был вассалом Бодуэна Фландрского и Эно и которому он выдал из своих средств 500 ливров, чтобы тот пошел с ним в поход. Вместе с ними отправилось великое множество рыцарей и оруженосцев, чьи имена здесь не записаны.

55

Это намного сократило войско тех, которые направились в Венецию, и с ними приключились великие беды, как вы услышите о том далее.

[КРЕСТОНОСЦЫ В ВЕНЕЦИИ: НЕХВАТКА ДЕНЕГ

(ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ 1202 г.)]

56

Таким образом, отправились граф Луи и другие бароны в Венецию; и они были приняты там с великим торжеством и с великой радостью и расположились вместе с прочими на

острове Св. Николая. Сколь прекрасно было это войско, из каких добрых ратников оно состояло! Никогда и никто не видывал ни такой отличной рати, ни столько прекрасных ратников. И венецианцы предлагали им на продажу все, что необходимо было для коней и для людей, в таком изобилии, что хватало всего¹⁴⁰. И флот, который они подготовили, был столь богат и прекрасен, что никогда еще ни один христианин не видывал ничего более богатого и прекрасного; нефов, галер и юиссье было в три раза больше, нежели сколько требовалось для собравшихся в войске.

57

Ах! Какая была это беда, что прочие, те, кто отправился в другие гавани, не явились сюда! Как было бы вознесено христианство и как унижена была бы земля турок! Венецианцы превосходно выполнили все свои обязательства и даже более того; и они понуждали теперь графов и баронов сдерживать свои обязательства и произвести уплату денег, ибо они-то готовы были отплыть.

58

В войске объявлен был сбор денег за перевоз¹⁴¹. И нашлось довольно много таких, которые говорили, что не могут оплатить свой перевоз, и барон взял с них столько, сколько могли. Таким образом, они уплатили за перевоз, по крайней мере сколько смогли собрать после того, как объявлен был и произведен сбор денег. И когда уплатили, то оказалось не только недостаточно для расплаты с долгом, но не внесли и половины суммы, что должны были¹⁴².

59

Тогда все бароны заговорили и сказали: «Сеньоры, венецианцы превосходно выполнили свои обязательства, и даже сверх того; но нас собралось не столько, чтобы, оплатив наш перевоз, мы смогли бы выполнить наши обязательства; и случилось так из-за тех, кто отправился в другие гавани¹⁴³.

А посему, Бога ради, пусть каждый из нас выложит из своего имущества столько, сколько мы сумели бы уплатить из того, что обязались; ибо лучше уж истратить здесь все наше достояние, нежели прослыть неисправными должниками и потерять все, что мы уже вложили в дело, так и не выполнив наших обязательств; ведь если поход этот не состоится, то подмогу Заморской земле не удастся оказать»¹⁴⁴.

60

Тогда произошло великое несогласие среди большей части баронов и среди прочего люда, которые сказали: «Мы заплатили за свой перевоз. Если они хотят нас везти, то мы охотно отправимся; а коли не желают, мы поищем другого перевоза»¹⁴⁵. Они потому так говорили, что им хотелось, чтобы войско разошлось. А другая часть сказала¹⁴⁶: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедняками, чем позволить, чтобы войско разошлось и пропало бы: ведь Господь наверняка возвратит нам наше с лихвой, коли ему будет угодно».

61

Тогда начал граф Фландрии отдавать все, что имел, и все, что смог подзанять¹⁴⁷, и то же сделал граф Луи, и маркиз¹⁴⁸, и граф Гюг де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Видели бы вы тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасной золотой и серебряной утвари, чтобы произвести уплату. И когда они уплатили, все же 34 тыс. марок серебра недоставало до уговоренной суммы. Этим обстоятельством были весьма обрадованы те, которые приберегали свои деньги и не хотели ничего давать: они полагали, что таким образом войско распадется и сгинет. Но Бог, который подает надежду страждущим, не пожелал, чтобы они так страдали.

[ФРАНЦУЗСКО-ВЕНЕЦИАНСКИЙ ДОГОВОР
О ЗАВОЕВАНИИ ЗАДАРА
(АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1202 г.)]

62

Тогда дож обратился к своим людям и сказал им: «Сеньоры, эти люди не могут нам уплатить большего. А то, что они уже уплатили, все это мы заработали по соглашению, которое они теперь не в состоянии выполнить. Однако наше право не было бы никем признано, и мы, и наша земля навлекли бы на себя великий позор. А предложим-ка им любовное соглашение¹⁴⁹.

63

Король Венгрии отнял у нас Задар¹⁵⁰ в Склавонии¹⁵¹, один из самых укрепленных городов на свете; каким бы могуществом мы ни обладали, нам никогда не отвоевать его иначе, кроме как при содействии этих людей. Предложим же им, чтобы они помогли нам его отвоевать, и мы предоставим им отсрочку для уплаты 34 тыс. марок серебра, которые они нам должны, до тех пор, пока Господь дозволит нам вместе заработать их — нам и им»¹⁵². Так был предложен этот договор. Ему самым решительным образом противились те, кто хотел, чтобы войско распалось: но, несмотря ни на что, договор был заключен и утвержден¹⁵³.

64

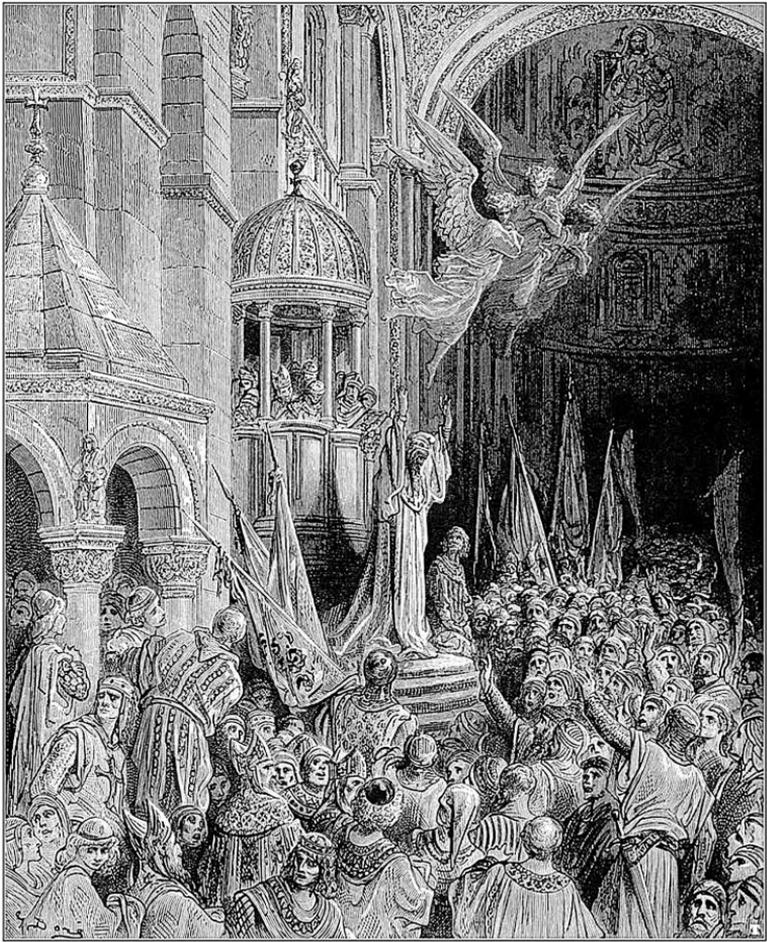
Однажды в воскресенье все они сошлись в церкви Св. Марка, и это было великое празднество¹⁵⁴; там собралось много люда из этой страны и большая часть баронов и пилигримов¹⁵⁵.

65

Перед тем как началась большая обедня¹⁵⁶, дож Венеции, которого звали Энрико Дандоло, взошел на амвон и молвил народу, и сказал ему: «Сеньоры, отныне вы соединились в союз

с самыми лучшими на свете людьми и ради самого высокого дела, которое кем-либо когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и немощен¹⁵⁷ и нуждаюсь в покое; к тому же мое тело изувечено¹⁵⁸. Но тем не менее я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы управлять и повелевать вами в этом деле, как я, ваш государь. Если вы позволите, чтобы я взял крест, дабы обере-

Дож Венеции обращается к крестоносцам

гать и вести вас, и чтобы на своем месте остался мой сын¹⁵⁹ и защищал бы страну, тогда я отправлюсь жить или умереть вместе с вами и пилигримами».

66

И когда они это услышали, то вскричали все в один голос: «Богом просим вас поступить именно так и отправиться с нами!»

67

Народ той земли и пилигримы были весьма тронуты всем этим, и много было пролито слез, ибо сей почтенный старец имел такие веские причины оставаться дома: ведь он был в преклонных годах и на его лице были прекрасные очи, коими, однако, он ни капли не видел, потому что потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великой души! Ах! Как мало походили на него те, которые, чтобы избежать опасности, отправились в другие гавани!

68

Итак, он спустился с амвона и подошел к алтарю, и преклонил колени, рыдая; и ему нашили крест на его большую шапку¹⁶⁰ из бумажной материи, потому что он хотел, чтобы люди видели этот крест. И многие венецианцы начали также в великом множестве принимать крест; а до того дня их взяло крест весьма немного¹⁶¹. Наши пилигримы весьма обрадовались и были сильно тронуты этим взятием креста по причине мудрости и доблести, которые соединялись у дожа.

69

Таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест. Тогда начали доставлять нефы, и галеры, и юиссье баронам, чтобы отплыть в путь. Прошло уже столько времени после назначенного срока, что приближался сентябрь¹⁶².

[ПЕРВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ
(АВГУСТ 1202 г.)]

70

А теперь послушайте-ка об одном из самых великих чудес и об одном из величайших происшествий, о которых вы когда-либо слышали. В это время был в Константинополе император по имени Сюрсак¹⁶³; и был у него брат, который звался Алексеем¹⁶⁴ и которого он выкупил из плена у турок. Этот Алексей схватил своего брата, императора, и выколол ему глаза, и сделался императором¹⁶⁵ через такое предательство, как вы только что слышали. Долго держал он в заточении своего брата и его сына по имени Алексей¹⁶⁶. Сын этот вырвался из заточения и бежал на корабле, прибыв в некий приморский город, называвшийся Анкона. Оттуда он отправился к королю Германии Филиппу¹⁶⁷, чья жена была его сестрой¹⁶⁸. И он прибыл в Верону в Ломбардии, и остановился в этом городе, и застал там многих пилигримов, которые отправлялись отсюда в войско¹⁶⁹.

71

И те, кто помог ему ускользнуть из темницы и кто был с ним¹⁷⁰, сказали ему: «Сеньор, вот здесь, в Венеции, вблизи от нас, находится рать из лучших людей и лучших рыцарей на свете, которые собираются за море. Попроси их о милости¹⁷¹, чтобы они сжалились над тобою и твоим отцом, которые столь несправедливо лишены своего наследства. И коли они захотят пособить тебе, ты согласишься исполнить все, что бы они устно ни предложили тебе¹⁷². Быть может, их возьмет жалость». И он сказал, что сделает это весьма охотно и что этот совет хорош.

72

Итак, он назначил послов и отправил их маркизу Бонифацию Монферратскому, который был предводителем войска, и к другим баронам¹⁷³. И когда бароны их увидели, то весьма изумились и сказали послам: «Мы хорошо понимаем, о чем вы говорите. Мы отправим вместе с ним к королю Филиппу¹⁷⁴

посольство — туда, куда сам он отправляется¹⁷⁵; коли он захочет пособить нам отвоевать Заморскую землю, то и мы пособим ему отвоевать его землю; ведь мы знаем, что она отнята у него и у его отца несправедливо»¹⁷⁶. Так были направлены послы в Германию к царевичу Константинопольскому и к королю Филиппу Германскому.

73

Еще перед тем, как случилось то, о чем мы вам поведали, в войско пришла весть, которой весьма были опечалены бароны и другие люди: о том, что мессир Фульк, достойный человек, праведник, который первым стал проповедовать крест, опочил и умер¹⁷⁷.

74

И после этого происшествия¹⁷⁸ к ним присоединился отряд добрых людей из Германской империи, которым они были очень рады¹⁷⁹. Туда прибыли епископ Гавестатский¹⁸⁰ и граф Бертуте де Кассенельбоге, Гарнье де Борланд, Тьерри де Лоос, Анри д'Орм, Тьерри де Дьест, Роже де Сюитр, Александр де Виллер, Орри де Тон.

[КРЕСТОНОСЦЫ В ЗАДАРЕ
(ОКТАБРЬ 1202 — АПРЕЛЬ 1203 г.)]

[ОТ ВЕНЕЦИИ ДО ЗАДАРА
(1 ОКТАБРЯ — 10 НОЯБРЯ 1202 г.)]

75

И тогда нефы и юиссье были распределены между баронами¹⁸¹. О Боже! Какие прекрасные туда были введены кони! И когда нефы были нагружены оружием и съестными припасами и сели на суда рыцари и оруженосцы, вдоль бортов и у башен нефов были повешены щиты¹⁸² и флажки¹⁸³, которых было такое множество и таких прекрасных¹⁸⁴.

76

И знайте, что на нефах они везли более трехсот камнеметательниц и мангонь¹⁸⁵ и множество всяческих орудий, которые нужны для взятия города. И более великолепный флот никогда не отплывал из какой-либо гавани¹⁸⁶. А было это на восьмой день после Праздника св. Реми¹⁸⁷, в год от воплощения Иисуса Христа одна тысяча двести второй. Так отплыли они из гавани Венеции, как вы только что слышали.

77

Накануне Праздника св. Мартина¹⁸⁸ они прибыли к Задару в Славонии и увидели город, укрепленный высокими стенами и высокими башнями, и тщетно стали бы вы искать какой-нибудь город более прекрасный, более укрепленный и более богатый. И когда пилигримы увидели его, они сильно изумились, и одни сказали другим: «Каким образом можно взять силой такой город, если только этого не содеет сам Бог?»

78

Первые нефы подошли к городу, и встали на якорь, и поджидали других. И на следующий день поутру была прекрасная и ясная погода, и подошли все галеры и юиссье вместе с прочими нефами, которые плыли позади; и ворвались с ходу в гавань, и разорвали цепь, которая была очень прочная и хорошо скована; и они высадились на сушу таким образом, что гавань оказалась за ними, а они — у города. И вы могли бы узреть тогда многих рыцарей и многих оруженосцев, выходявших из нефов и выводивших из юиссье множество добрых коней, а также узреть множество богатых шатров и множество палаток. Так расположилось войско, и Задар был осажден в Праздник св. Мартина¹⁸⁹.

79

К этому времени прибыли не все бароны: так, не явился еще маркиз Монферратский, он оставался позади из-за одного

*Монета с изображением
Бонифация Монферратского*

дела, которое у него имелось. Этьен Першский остался большим в Венеции, а также Матье де Монморанси. А когда они выздоровели, то Матье де Монморанси отправился к войску в Задаре. Однако Этьен Першский не поступил столь же хорошо, ибо он оставил войско и отправился в Пуй¹⁹⁰. С ним поехали Ротру де Монфор и Ив де ла Жай и многие другие, которых сильно порицали за это¹⁹¹, и в мартовский переезд они направились в Сирию¹⁹².

[ОСАДА И ВЗЯТИЕ ЗАДАРА

(12—24 НОЯБРЯ 1202 г.)]

80

На другой день после Праздника св. Мартина¹⁹³ из Задара вышли люди и направились для переговоров к дожу Венеции, который был в своем шатре, и сказали ему, что сдадут город и все свое добро на его милость, лишь бы им пощадили жизнь¹⁹⁴. А дож сказал, что не заключит ни такого, ни какого-либо иного договора иначе как с согласия графов и баронов и что он пойдет переговорить об этом.

81

Пока он отправился переговорить с графами и баронами, та часть пилигримов, о которой вы уже слышали раньше и которая хотела, чтобы войско распалось, завязала переговоры с задарскими послами и сказала им: «Почему вы хотите сдавать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойными». И вот послы выбрали одного из самих пилигримов по имени Роберт де Бов¹⁹⁵, который подошел к городским стенам и сказал жителям то же самое. И возвратились послы в город, а соглашение так и не было достигнуто.

82

Когда дож Венеции явился к графам и баронам, то сказал им: «Сеньоры, те, кто в городе, хотят сдать его на мою милость при условии, что им пощадят жизнь; но я не заключу ни такого, ни какого-нибудь другого договора иначе как по вашему совету». И бароны ответили ему: «Сеньор, мы советуем вам заключить его, и мы просим вас об этом». И он сказал, что так и поступит. И они все вместе отправились в шатер дожа, чтобы заключить договор, и обнаружили, что по совету тех, кто хотел распадаения войска, послы ушли оттуда.

83

И тогда встал некий аббат из Во, из ордена цистерцианцев¹⁹⁶, и сказал им «Сеньоры, я запрещаю вам именем римского апостолика¹⁹⁷ нападать на этот город, ибо в нем живут христиане¹⁹⁸, а ведь вы пилигримы». И когда дож это услышал, он сильно рассердился и разгневался и сказал графам и баронам: «Сеньоры, я собирался заключить соглашение с этим городом, чтобы он сдался на мою милость, а ваши люди мне помешали; но вы же уговорились со мной, что поможете мне его завоевать, и я требую от вас сделать это»¹⁹⁹.

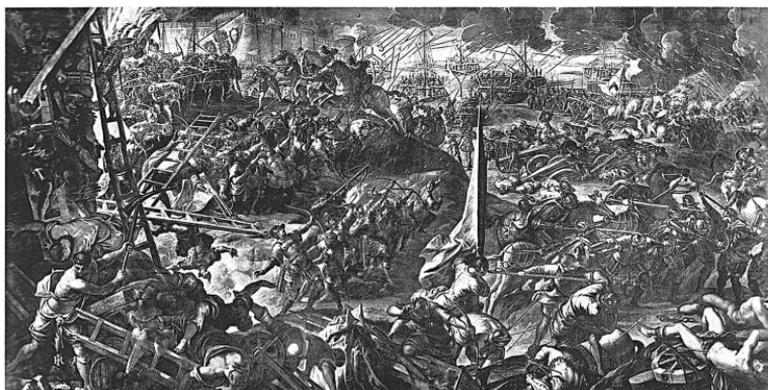

84

Тотчас графы и бароны и те, кто держал их сторону, переговорили между собой и сказали: «Они нанесли нам дерзкое оскорбление, те, кто порушил это соглашение; и не проходило еще ни одного дня, когда бы они ни старались разъединить эту рать. Мы опозорены, коли не поможем взять город». И они пришли к дожу и сказали ему: «Сеньор, мы пособим вам взять город назло тем, кто воспротивился этому»²⁰⁰.

85

Так было принято решение. И поутру²⁰¹ они расположились перед городскими воротами и расставили свои камнеметательницы, мангонью и другие свои орудия, которых у них имелось предостаточно²⁰². А над морем они подняли мостики на нефах²⁰³. И тогда камнеметательницы начали забрасывать камнями город и бить по стенам и башням. Приступ этот длился таким образом около пяти дней. И тогда они подослали к одной из башен своих людей для подкопа, и те начали вести подкоп стены. И когда увидели это те, кто был в городе, они стали просить о соглашении точно таком же, которое отвергли по совету тех, кто хотел, чтобы рать распалась.

Штурм Задара

Странствующий монах

[КОНФЛИКТ МЕЖДУ КРЕСТОНОСЦАМИ
И ВЕНЕЦИАНЦАМИ (КОНЕЦ НОЯБРЯ 1202 г.)]

86

Так город был сдан на милость дожа Венеции под условием пощадить жизнь горожанам²⁰⁴. И тогда дож пришел к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, мы завоевали этот город милостью Божьей и вашей. Наступила зима, и мы не сумеем двинуться отсюда раньше Пасхи²⁰⁵, ибо мы не найдем ни в каком-нибудь другом месте рынка, где могли бы брать съестное; а этот город весьма богат и в избытке обеспечен всяким добром; поделим-ка его надвое, и мы возьмем себе одну половину, а вы другую»²⁰⁶.

87

Как порешили, так и сделали. Венецианцы получили часть города вблизи гавани, где стояли суда, а французы получили другую часть. И были поделены дома для постоя в каждой части, как и следовало, и рать покинула лагерь, вошла в город и разместилась в нем.

88

И когда они разместились, на третий день²⁰⁷ под вечер в войске случилась большая беда, ибо между венецианцами и французами началась распря весьма великая и весьма яростная; и со всех сторон схватились за оружие; и распря была столь велика, что мало было улиц, где не велось бы великое сражение мечами и копьями, и арбалетами, и дротиками; и множество людей было там ранено и убито²⁰⁸.

89

Венецианцы, однако, не могли выдержать боя и начали терять многих; и рассудительные люди, которые не хотели зла, ввязались, вооруженные, в схватку и начали ее унимать²⁰⁹; и когда они разнимали ее в одном месте, она возобновлялась в другом. Таким образом продолжалось дело до глубокой ночи; и с великим трудом и великими усилиями они все же разняли бившихся. И знайте, что это была самая большая беда, которая случалась когда-либо в войске; и недоставало малого, чтобы рать была совсем загублена. Однако Бог не захотел, чтобы она так пострадала.

90

Весьма велики были потери с обеих сторон. Там был убит некий знатный человек из Фландрии по имени Жиль де Ланда; во время схватки он был поражен в глаз и умер от этого удара²¹⁰, и многие другие погибли, о которых в войске столько не говорилось. И дож Венеции, и бароны были целую неделю

весьма озабочены тем, чтобы установить мир после этой схватки, и они действовали так усердно, что мир, благодарением Божиим, был водворен²¹¹.

[ДОГОВОР КРЕСТОНОСЦЕВ
С ЦАРЕВИЧЕМ АЛЕКСЕЕМ
(ЯНВАРЬ 1203 г.)]

91

Через пятнадцать дней после этого прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, который до того еще не явился, и Матье де Монморанси, и Пьер де Брасье, и многие другие доблестные мужи. А спустя еще пятнадцать дней возвратились послы из Германии, которые прибыли от короля Филиппа и от юного наследника Константинопольского²¹². И бароны, и дож Венеции собрались в некоем дворце, где расположился дож. И тогда послы обратились к ним и сказали: «Сеньоры, нас послал к вам король Филипп и сын императора Константинопольского, который приходится братом его жене»²¹³.

92

«Сеньоры, — сказал король, — я посылаю к вам брата моей жены, и я отдаю его в десницу Божию и в ваши руки. Так как вы отправляетесь биться за дело Богово, и за право, и за справедливость, то должны, коли можете, возвратить наследственное достояние тем, у кого оно несправедливо отобрано. И царевич заключит с вами самое знатное соглашение, какое когда-нибудь вообще заключалось с кем-либо, и окажет вам самую щедрую помощь, чтобы отвоевать Заморскую землю».

93

«Прежде всего, коли угодно будет Богу, чтобы вы возвратили царевичу его наследие, он поставит всю империю Романии²¹⁴ в подчинение Риму, от которого она некогда отложилась²¹⁵.

Далее, он знает, что вы поизрасходовались и что вы обеднели; и он даст вам 200 тыс. марок серебра и провизию для всей рати, малым и великим. И он самолично отправится с вами в землю Вавилонскую²¹⁶ или пошлет туда своих послов, коли вы сочтете это за лучшее, с 10 тыс. ратников за свой счет; и он будет оказывать вам эту службу один год. А все дни своей жизни он будет держать в Заморской земле на свой счет 500 рыцарей».

94

«Сеньоры, — сказали послы, — мы имеем все полномочия, чтобы заключить такое соглашение, если вы со своей стороны хотите заключить его. И знайте, что столь знатное соглашение никогда не предлагалось кому-либо и что тот, кто откажется заключить его, тот, значит, вовсе не имеет большой охоты к завоеваниям»²¹⁷. И бароны сказали, что обсудят это; и на другой день назначена была сходка; и когда они собрались, им передали эти слова²¹⁸.

95

Там говорено было и так и сяк. И говорил аббат де Во из ордена цистерцианцев, и говорила та часть, которая хотела распадаения войска; и они сказали, что ни в коем случае не согласятся²¹⁹, потому что это значило бы выступить против христиан, а они отправились совсем не для того и хотят идти в Сирию²²⁰.

96

Другая же сторона отвечала им: «Добрые сеньоры, в Сирии вы ничего не сможете сделать, и вы скоро убедитесь в этом сами, увидев тех, которые оставили нас и отправились в другие гавани. И знайте, что Заморская земля будет отвоевана не иначе как через Вавилонскую землю или через Грецию, если вообще будет когда-нибудь отвоевана; а коли мы откажемся от этого соглашения, то навсегда будем опозорены».

97

Вот так-то рать пребывала в раздорах; и вы не удивляйтесь, что миряне были в раздорах, белые монахи из ордена цистерцианского тоже находились в раздорах²²¹. Аббат Лооский²²², муж весьма святой и праведный, а также и другие аббаты, которые держали его сторону, проповедовали и зывали к людям о милосердии — во имя Бога удержать войско в целости и заключить это соглашение, ибо это такое дело, посредством которого лучше всего можно отвоевать Заморскую землю. А аббат де Во и те, кто держал его сторону, проповедовали и постоянно твердили, что все это зло и что надо бы отправиться в Сирию и содеять там то, что сумеют!

98

И тогда вмешались маркиз Бонифаций Монферратский и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, и граф Луи, и граф Гюг де Сен-Поль, и те, кто держал их сторону, и они сказали, что заключат это соглашение, ибо будут опозорены, коли отвергнут его²²³. И вот они пошли в дом дожа²²⁴; и были вызваны послы²²⁵, и заключили соглашение на таких условиях, о которых вы уже слышали, скрепив его клятвами и грамотами с висячими печатями.

99

И книга поведает вам, что было только 12 человек, которые принесли клятву со стороны французов²²⁶, а больше не нашлось²²⁷. Среди них были маркиз Монферратский, граф Бодуэн Фландрский, граф Луи Блуаский и Шартрский, и граф Гюг де Сен-Поль, и восемь других, которые держали их сторону²²⁸. Так заключено было соглашение, и изготовлены грамоты, и назначен срок, когда прибудет молодой наследник; и сроком этим определен был пятнадцатый день после Пасхи.

[ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ ВОЙСКА

(ЯНВАРЬ — МАРТ 1203 г.)]

100

Так всю эту зиму пребывала французская рать в Задаре, супротив короля Венгрии. И знайте, что сердца у людей не были в ладу с миром, ибо одна из сторон добивалась, чтобы войско распалось, а другая — чтобы оно удержалось в целости²²⁹.

101

Многие из меньшого люда убегали на купеческих нефях²³⁰. На одном нефе бежали почти пятьсот человек, и все они утонули и погибли. Другая группа бежала сушей и собиралась пройти через Склавонию; и жители той земли напали на них и многих поубивали; а другие возвратились, прибежав обратно в войско. И таким образом с каждым днем рать уменьшалась. В это самое время некий знатный человек из войска, он был из Германии, Гарнье де Борланд²³¹, содеял такое, что сел на какой-то купеческий неф и оставил рать, за что его сильно хулили.

102

Немного времени спустя некий знатный барон из Франции по имени Рено де Монмирай при поддержке графа Луи упротил, чтобы его отправили в посольство в Сирию на одном из нефов флота: и положив ладонь правой руки на святые мощи, он поклялся, что и он, и все рыцари, которые с ним отправятся, вернутся в войско через пятнадцать дней после того, как придут в Сирию и выполнят свое поручение: под этим условием он уехал от войска²³² и с ним Эрве де Шатель, его племянник, Гийом, видам Шартрский²³³, Жоффруа де Бомон, Жан де Фрувиль, Пьер, его брат, и многие другие. Клятвы, однако, которые они принесли, не были исполнены как следует, ибо в войско они не вернулись.

103

В это время в войско пришла весть, которую услышали весьма охотно, а именно, что флот из Фландрии, о коем вы уже слышали раньше, пристал в Марселе²³⁴. И Жан де Нелль, шателен Брюгге, который был капитаном этого войска, и Тьерри, который был сыном графа Филиппа Фландрского, и Николая де Майи послали к графу Фландрскому, своему сеньору, сообщить, что они зазимуют в Марселе, и пусть он выразит им свою волю, а они исполняют то, что он им повелит. И он повелел им, по совету дожа Венеции и других баронов, отправиться в конце марта в путь и прибыть для встречи с ним в гавань Мутон²³⁵ в Романии. Увы! Они ждали его здесь столь худо, что не сдержали своего слова, а отправились в Сирию, где, как они знали, им не содеять никаких подвигов.

[ПАПСКОЕ ОТПУЩЕНИЕ ЗА ЗАХВАТ ЗАДАРА
(ОКОЛО ФЕВРАЛЯ 1203 г.)]

104

Так вот, знайте, сеньоры, что если бы Бог не возлюбил эту рать, она не могла бы оставаться в целости, когда столько людей стремились причинить ей зло.

105

Тогда²³⁶ бароны²³⁷ переговорили между собой и сказали, что они пошлют в Рим к апостолику, ибо, как им было известно, он считал, что они совершили злое дело завоеванием Задара²³⁸; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, таких, которые, полагали они, вполне подходят для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суассонский²³⁹, а другой — мэтр Жан де Нуайон, который был канцлером графа Бодуэна Фландрского; а из рыцарей один был Жан Фризский, а другой — Роберт де Бов²⁴⁰. И они по установившемуся порядку поклялись на святых мощах, что честно выполняют посольское поручение и что вернутся в войско.

106

Трое прекрасно сдержали свою клятву, а четвертый — худо, и это был Роберт де Бов: ибо он исполнил посольское поручение так худо, что хуже не мог²⁴¹, и нарушил клятву, и вслед за другими уехал в Сирию. А трое остальных исполнили его очень хорошо, и сдержали клятву, и выполнили свое посольство как раз так, как им поручили бароны; и они сказали апостолику: «Бароны просят вас простить их за взятие Задара, ибо они действовали подобно людям, которые не могли поступить лучше из-за отсутствия тех, кто уехал в другие гавани, и потому, что иначе не могли сохранить рать в целости²⁴²; потому они взывают к вам как к своему доброму отцу, чтобы вы высказали им свое повеление, которое они готовы исполнить».

107

И апостолик сказал послам, что хорошо знает о том, что именно из-за отсутствия других им пришлось поступить таким образом и что он окажет им великую милость; и тогда он послал свой привет баронам и пилигримам²⁴³ и сказал, что он отпускает им прегрешения как своим чадам, и повелевает им, и просит их удерживать рать в целости, ибо он хорошо знает, что без этой рати невозможно сослужить службу Богу²⁴⁴; и он предоставил Невелону, епископу Суассонскому, и мэтру Жану де Нуайону право вязать и решить²⁴⁵ пилигримов, пока в войско не прибудет его кардинал²⁴⁶.

[ПО ПУТИ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ

(АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ 1203 г.)]

[КРЕСТОНОСЦЫ НА КОРФУ. ПРИБЫТИЕ ЦАРЕВИЧА
АЛЕКСЕЯ. ОПАСНОСТИ НОВЫХ ПОПЫТОК
ДЕЗЕРТИРОВАТЬ ИЗ ВОЙСКА]

108

Между тем прошло так много времени, что наступил Великий пост; и они стали снаряжать свой флот, чтобы отплыть на

Пасху. Когда нефы были нагружены, на другой день после Пасхи пилигримы расположились за пределами города в гавани, а венецианцы разрушили город, и башни, и стены²⁴⁷.

109

И тогда случилось происшествие, которое весьма огорчило рать, ибо один из знатных баронов войска по имени Симон де Монфор заключил соглашение с королем Венгрии²⁴⁸, который был врагом тем, кто находился в войске, и он уехал к нему и оставил войско. Вместе с ним уехали Гюи де Монфор, его брат, Симон де Нофль и Роберт Мовуазен, и Дрию де Крессонессар, и аббат де Во, который был монахом цистерцианского ордена, и многие другие. А вскоре не замедлил уехать и другой знатный человек из войска, которого звали Ангерран де Бов, и Гюг, его брат, и столько людей из их земель, сколько они смогли привести с собой²⁴⁹.

110

И вот так-то они уехали из войска, как вы слышали²⁵⁰; это был очень большой урон войску и великий позор для тех, кто так поступил. Тогда нефы и юиссье начали выходить в море²⁵¹. И было решено, что они причалят в гавани Корфу²⁵² — некоего острова в Романии — и что первые обождут остальных, пока не соберутся все вместе. Так они и сделали.

111

Прежде чем дож и маркиз с галерами отплыли из гавани Задара, сюда прибыл Алексей²⁵³, сын императора Сюрсака Константинопольского²⁵⁴; а его послал сюда король Филипп Германский; и он был принят с великой радостью и великими почестями. И дож предоставил ему столько галер и кораблей, сколько ему было нужно. И таким образом они отплыли из гавани Задара, и был попутный ветер; так плыли они до тех пор, пока не достигли гавани Дюраз²⁵⁵. И жители города весьма охотно сдали город своему сеньору, когда узрели его²⁵⁶, и поклялись ему в верности²⁵⁷.

112

И они выехали отсюда, и прибыли на Корфу, и застали там войско, которое разместилось перед городом, раскинув палатки и шатры, а кони были выведены из юиссье, чтобы попасться. И когда пилигримы узнали, что в гавань прибыл сын императора Константинопольского²⁵⁸, вы могли бы увидеть, как множество добрых рыцарей и множество добрых оруженосцев поспешали им навстречу и вели множество добрых коней. Так приняли они его с великой радостью и великими почестями²⁵⁹. И он приказал поставить свою палатку посреди войска, и возле раскинул свою маркиз Монферратский²⁶⁰, покровительству которого его вверил король Филипп, чьей женой была его сестра.

113

Они оставались три недели на этом острове, который был весьма богат и плодороден²⁶¹. И во время этого пребывания с ними случилась беда, огорчительная и тяжкая²⁶²: большая часть тех, кто хотел, чтобы войско распалось, и которые уже до того злоумышляли против него²⁶³, посоветовались между собой и сказали, что дело это кажется им чересчур долгим и весьма опасным и что они не останутся на острове и покинут рать, чтобы уехать прочь, и что с помощью жителей Корфу, когда рать отбудет, они пошлют к графу Готье де Бриенну²⁶⁴, который в то время держал Брандиз²⁶⁵, чтобы он прислал суда, на которых они отправятся в Брандиз.

114

Я не могу назвать вам всех тех, кто споспешествовал этому делу. Но я назову вам часть главных предводителей. Это были Эд Шампанец де Шанлитт, Жак д'Авень, Пьер Амьенский, Гюи, шателен де Куси, Ожье де Сен-Шерон, Гюи де Шапш и Кларембо, его племянник, Гийом д'Онуа, Пьер Куазо, Гюи де Пем и Эм, его брат Гюи де Конфлан, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, и многие другие, которые втайне обещали им принять

их сторону и которые из чувства стыда не решались объявить об этом открыто; и книга свидетельствует, что более половины рати было с ними согласно.

115

И когда об этом узнали маркиз Монферратский, равно как и Бодуэн Фландрский, и граф Луи, и граф де Сен-Поль, и бароны, которые держали их сторону²⁶⁶, они были в сильном смятении и сказали: «Сеньоры, дело наше худо: если эти люди уедут от нас вслед за теми, которые многожды оставляли нас, то наше войско погубило и мы не сможем произвести никакого завоевания²⁶⁷. Так пойдем же к ним и будем умолять их, Бога ради, чтобы они прониклись жалостью к самим себе и к нам, и чтобы не обесчестили себя, и чтобы не помешали подмоге Заморской земле».

Сарацины

116

Такое решение было ими принято, и вот все они разом двинулись в некую долину, где те²⁶⁸ собрались на свою сходку, и они привели с собой сына императора Константинопольского и всех епископов, и всех аббатов войска. И когда они туда явились, то сошли с коней и двинулись им навстречу. И бароны припали к их стопам²⁶⁹, обливаясь слезами, и сказали, что они не уйдут, покуда те не обещают им не покидать их.

117

И когда те увидели такое, они прониклись великой жалостью и восплакали, узрев, что их сеньоры и их родичи, и их друзья припали к их стопам; и они сказали, что посоветуются об этом, и отошли в сторону и стали говорить меж собой. И итог их совета был таков, что они еще останутся с ними до Праздника св. Михаила²⁷⁰ при условии, что им поклянутся, как положено, на святых мощах, что начиная с этого дня²⁷¹ в любое время, как только они того потребуют, в течение пятнадцати дней им предоставят честно и без всяких хитростей флот, на котором они сумеют отправиться в Сирию²⁷².

118

Так было договорено и скреплено клятвою. И тогда было великое ликование во всем войске; и они погрузились на нефы, а кони были введены в юиссье.

[ОТ КОРФУ ДО СКУТАРИ
(24 мая — 26 июня 1203 г.)]

119

Так они отбыли из гавани Корфу накануне Троицы²⁷³, которая была в год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1203-й; и там были собраны вместе все нефы, и все юиссье, и все галеры войска, а также довольно много купеческих кораб-

лей, которые здесь к ним присоединились. И день был прекрасен и ясен, и дул тихий и легкий ветер. И они поставили паруса по ветру.

120

И Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал это произведение и который ни разу ни единым словом не солгал с умыслом о том, что ему ведомо, — а он бывал на всех советах, — верно свидетельствует вам, что никогда не видано было столь прекрасного зрелища: и флот этот казался именно тем, который непременно должен завоевать землю, ибо, насколько охватывал взгляд, только и виднелись паруса нефов и кораблей, так что сердца людей были преисполнены радости.

121

Так плыли они по морю²⁷⁴, пока не достигли Кадмеле, пролива, который находился в море; и тогда они повстречали два нефа с пилигримами, и рыцарями, и оруженосцами, которые возвращались из Сирии; и они были из тех, которые отправились через гавань Марсель²⁷⁵. И когда они увидели флот, столь прекрасный и столь богатый, то устыдились так, что не осмелились показаться. И граф Бодуэн Фландрский и Эно выслал со своего нефа лодку, чтобы узнать, что это были за люди, и они сказали, кто они были.

122

И некий оруженосец прыгнул с нефа в лодку и сказал тем, кто был на нефе: «Что остается моего на корабле, то мы с вами сквитались, ибо я поеду с ними, потому что, как сдается мне, они должны завоевать землю»²⁷⁶. И этого оруженосца очень хвалили, и он был весьма радушно принят войском. Недаром говорят люди, что можно воротиться и с тысячи худых путей²⁷⁷.

123

Так достигло войско Нигра²⁷⁸. Нигр — это весьма добрый остров и весьма добрый город, который зовется Нигрепонтом. Там бароны держали совет²⁷⁹. И оттуда отправились маркиз Бонифаций Монферратский и граф Бодуэн Фландрский и Эно с большей частью юиссье и галер и с сыном императора Сюрсака Константинопольского на некий остров, который называется Андр²⁸⁰, и они высадились на сушу, и рыцари вооружились и вступили на землю, и жители страны отдались на милость сыну императора Константинопольского и дали ему столько из своего добра, что заключили с ним мир²⁸¹.

124

И они вернулись на свои корабли и двинулись по морю²⁸². И тогда приключилось у них великое несчастье: один знатный человек из рати, которого звали Гюи, шателен де Куси, умер и был опущен в море.

125

Другие нефы, которые не направились в эту сторону²⁸³, вошли в Бош-д'Ави²⁸⁴, а это там, где рукав Св. Георгия вливается в большое море²⁸⁵; и они проследовали, идя против течения рукава, до города, который называют Ави и который находится на берегу рукава Св. Георгия со стороны Тюркии, — он весьма красив и очень удобно расположен²⁸⁶. И там они вошли в порт и высадились на сушу; а жители города вышли им навстречу и сдали им город как люди, которые не отважились его защищать. И они поставили столь добрую охрану, что жители города не потеряли ни единого денье.

126

Так оставались они там восемь дней, чтобы обождать нефы, галеры и юиссье, которые еще должны были прибыть²⁸⁷. И во время этой остановки взяли они зерно, потому что было

время жатвы; а они имели в нем большую нужду, ибо у них было очень мало хлеба. И за эти восемь дней к ним подспели все суда и все бароны²⁸⁸; и Бог дал им хорошую погоду.

127

Тогда они вышли все вместе из гавани Ави, и вы могли бы видеть рукав Св. Георгия, весь расцвеченный плывущими против течения нефами, галерами и юиссье, и было великим чудом видеть такое великолепное зрелище. И вот таким-то образом держали путь против течения рукава Св. Георгия, пока не достигли аббатства Сент Этьен, которое было в трех лье от Константинополя²⁸⁹. И тогда те, кто находился на нефях, галерах и юиссье, увидели перед собой весь Константинополь, вошли в гавань и поставили свои корабли на якорь.

128

Так вот, вы можете узнать, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел²⁹⁰, ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами²⁹¹, и длину, и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей²⁹².

129

Тогда графы и бароны и дож Венеции сошли на сушу, и собрался совет в монастыре Св. Этьена²⁹³. Там говорено было много разных мнений и подавались разные предло-

жения. Все слова, которые были там сказаны, в книге вам не передать; но конец совета был таков, что дож Венеции встал и сказал им:

130

«Сеньоры, я знаю положение в этой стране лучше, чем вы, ибо некогда я бывал здесь²⁹⁴. Вы предпринимаете самое великое и самое опасное дело, которое люди когда-либо предпринимали; нужно поэтому поступать разумно. Знайте, что коли мы сойдем на сушу, то ведь страна велика и обширна, наши же люди бедны, и у них мало съестного, и они разбредутся по всей стране в поисках провизии, а в стране живет огромное множество народа; и мы не смогли бы обеспечить всем защиту, не понеся потерь; а нам нельзя нести потери, потому что у нас и так маловато людей для того, что мы хотим содейть.

131

Неподалеку отсюда имеются острова, которые вы можете видеть отсюда²⁹⁵ и которые населены многими жителями и обильны хлебом, съестным и всяким другим добром; давайте-ка подъедем туда, остановимся в какой-нибудь гавани и заберем зерно и всякую провизию в этой стране; и когда у нас будет достаточно запасенной провизии, то двинемся к городу и содейем то, что предназначтал наш Господь. Ибо гораздо уверенней воюют те, у кого есть пропитание, нежели те, у которых его едва-едва». Графы и бароны согласились с этим советом, и все они возвратились каждый на свои нефы и на свои корабли.

132

Таким образом, эту ночь они отдыхали; а поутру, на следующий день, который был днем Праздника монсеньора Иоанна Крестителя, что в июне²⁹⁶, знамена и флаги были подняты на башни нефов и щиты вынуты из чехлов и подвешены к бортам нефов²⁹⁷.

Каждый осматривал оружие, которое ему было нужно, словно они наверняка знали, что скоро оно им понадобится.

133

Моряки подняли якоря; и поставили паруса по ветру; и Бог послал им попутный ветер, как им было нужно, и вот они прошли прямо перед Константинополем так близко от стен и башен, что многие корабли едва не касались их; и на стенах и башнях стояло так много людей, словно все собрались туда²⁹⁸.

134

И тогда наш Господь Бог внушил им отринуть решение о том, чтобы двинуться к островам, которое было принято накануне вечером, будто никто никогда и не слышал, что об этом было говорено; и вот теперь они тотчас же устремились прямым путем к твердой земле. И они вошли в гавань перед неким дворцом императора Алексея в том месте, что называлось Кальшедуан²⁹⁹ и было супротив Константинополя, на другом берегу рукава, со стороны Тюркии. Дворец этот был одним из самых прекрасных и великолепных, какие когда-либо видывали человеческие очи, и были в нем всякие улады, которые надобны человеку в княжеском жилище.

135

И графы, и бароны сошли на сушу и расположились во дворце и близ города, и многие раскинули свои палатки. Кони были тогда выведены из юиссье, а рыцари и оруженосцы сошли на сушу при всем своем оружии, так что на корабле остались лишь моряки. Земля та была прекрасна и богата и изобиловала всяким пропитанием; и из снопов сжатого хлеба, которые были среди полей, каждый взял себе, сколько хотел взять, ибо они испытывали в нем большую нужду.

136

Так остались они в этом дворце и на следующий день³⁰⁰. А на третий день³⁰¹ Бог послал попутный ветер, и моряки подняли свои якоря и подставили свои паруса по ветру так, что они, двигаясь против течения рукава около одного лье выше

Константинополя, подошли к некоему дворцу, который принадлежал императору Алексею и назывался Эскутэр³⁰². Там бросили якоря нефы, юиссье и все галеры. И рыцарство, которое расположилось было во дворце Кальшедуан, двинулось сушей вдоль берега.

137

Таким образом французская рать расположилась по рукаву Св. Георгия в Эскутэре и еще выше от него против течения. И когда император Алексей³⁰³ увидел это, он приказал своему войску выйти из Константинополя, так что оно расположилось на другом берегу, насупротив них, и повелел раскинуть свои палатки, чтобы пилигриммы не смогли силою захватить у него землю. Вот так французская рать стояла девять дней³⁰⁴; и кто имел нужду в продовольствии, обеспечил себя, а нуждалась вся рать.

[ПРЕБЫВАНИЕ В СКУТАРИ
(26 июня — 4 июля 1203 г.)]

138

Во время этого стояния один отряд весьма добрых рыцарей вышел охранять рать, чтобы не причинили зла ни ей, фуражирам, ни тем, кто рыскал по стране. В этом отряде были Эд де Шанлитт Шампанец и Гийом, его брат. Ожье де Сен-Шерон, и Манассье де Лиль, и граф Жерар, ломбардский граф, который был вассалом маркиза Монферратского; с ними были около 80 рыцарей из весьма добрых людей.

139

И они заметили у подножия горы³⁰⁵, примерно в трех лье от войска, палатки, и то был мегадук³⁰⁶ императора Константинопольского, у которого имелось около 500 греческих рыцарей. Когда наши их увидели, они построили своих людей в четыре боевых отряда и уже решили было сразиться с ними.

А когда греки увидели их, то выстроили своих людей и составили свои боевые порядки перед палатками и стали их ждать. И наши воины двинулись и напали на них с большой силой.

140

С помощью нашего Господа Бога бой этот продолжался недолго, и греки повернули в тыл, и были разбиты в первой же схватке, и наши преследовали их чуть не целое большое лье. Они завладели там немалым числом коней, и молодых жеребцов, и боевых коней, и мулов, и кобылиц мулов, и палатками, и шатрами, и такой добычей, которая бывает в подобных случаях. И они возвратились в лагерь, где были весьма радостно встречены, и поделили свою добычу, как полагалось.

141

На другой день император Алексей послал к графам и баронам вестника с грамотой³⁰⁷. Вестника этого звали Николая Ру³⁰⁸, и он был родом из Ломбардии; и он нашел баронов в богатом дворце Эскутер, где они держали совет; и он приветствовал их от имени императора Алексея Константинопольского; и он предъявил его грамоту маркизу Бонифацию Монферратскому. И тот принял ее, и она была прочитана перед всеми баронами. И в грамоте этой было столько разных слов, что книга этого не рассказывает. И после всего прочего там были слова, чтобы верить тому, кто доставил грамоту и чье имя было Николай Ру.

142

«Прекрасный сеньор, — сказали они³⁰⁹, — мы прочитали вашу грамоту, и она говорит нам, чтобы мы доверяли вам, и мы вполне вам доверяем. Так скажите же, что вам угодно»³¹⁰.

143

И вестник, стоя перед баронами, сказал: «Сеньоры, император Алексей передает вам, что он хорошо знает, что вы являетесь лучшими людьми из тех, кто не носит корону»³¹¹, и что

